

INSPIRIA

«ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»
с низкими ставками
искрометным
юмором

18+

Ты сказала, что это сработает

ЭНН ГАРВИН

INSPIRIA

Энн Гарвин

Ты сказала, что это сработает

Серия «Cupsake. Книги с окошками»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852550

Ты сказала, что это сработает:

ISBN 978-5-04-194689-0

Аннотация

«Голодные игры» с низкими ставками и искрометным юмором.

Две бывшие подруги, старый фургон, огромная собака, которую нужно перевезти через всю страну. Как не сойти с ума? Составить план. Но кто сказал, что это сработает?

Кэти, общая знакомая двух враждующих подруг, просит Саманту и Холли об одном маленьком одолжении. Если все получится, Кэти будет счастлива.

Чего не сделаешь ради любимой подруги? Даже если придется угнать выдавший виды фургон, посадить в него пиренейскую горную собаку с маленьким другом и проехать через всю страну...

Это не просто безумное путешествие из точки «А» в точку «Б». Это путешествие к прошлым обидам, чтобы оставить все плохое позади и просто радоваться жизни.

«Это правдоподобная история о сложностях женской дружбы, ее трансформации и о людях, которые всегда рядом, несмотря ни на что». – Кристи Вудсон Харви, американская писательница

«Энн Гарвин блестяще пишет о женщинах». – Good Morning America

«Это история о самопожертвовании и верности (и собаках!), а также о том, как важно чувствовать себя нужным». – Кристина Кланси, американская писательница

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	31
Глава 4	51
Глава 5	70
Глава 6	82
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Энн Гарвин

Ты сказала, что это сработает

Ann Garvin

I THOUGHT YOU SAID THIS WOULD WORK

Copyright © 2021 by Ann Garvin

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Всем моим друзьям, которые моя семья, и
наоборот*

*Счастье – это станция на пути между слишком
мало и слишком много.*

Финская пословица

Глава 1

Если Кэти позвонила Холли

Что я принялась делать, узнав по телефону, что у моей лучшей подруги Кэти рак? Дыхательные упражнения, как советует приложение для снятия стресса, когда тело не справляется с реакцией «сражайся или беги». Влажный воздух поступал в легкие, а я спрашивала себя: *«Ты в безопасности? Хочешь что-нибудь раздолбать или задать стрекача? Может, капельку румчаты в кофе?»*

На выдохе я, стараясь контролировать гипервентиляцию, дала себе ответы, которые звучали максимально по-взрослому. *Да, я в безопасности. Нет, бить мы ничего не будем и физкультурой заниматься тоже, еще чего. И, Саманта, никакого алкоголя на завтрак, хотя бы на этот раз.* Поэтому я всего лишь швырнула тарелку, которая угодила в шторы, а затем совершила мягкую посадку в корзину с грязным бельем – получилась какая-то пародия на битье посуды.

Потом я собрала волю в кулак и позвонила по номеру, который не набирала со времен первого сражения Кэти с раком. Правда, перед этим накатывала, пожалуй, пару бокалов вина и недолго вспоминала студенческую жизнь. Но как только соединение устанавливалось, я нажимала отбой, потому что знала, какой голос будет у Холли. Сдержанный, от-

чужденный, неприветливый.

Сегодня мне предстояло выяснить, в курсе ли Холли. Известно ли ей о том, что наша общая лучшая подруга, с которой в колледже мы делили одну комнату, снова смертельно больна? Я прижалась головой к холодному стальному боку холодильника. Я пережила смерть мужа Джеффа и родителей и растила дочь одна – потерять еще и лучшую подругу выше моих сил. У Холли сработала голосовая почта: «Вы позвонили Холли Данфи». Я быстро нажала отбой – в голове со свистом пронеслось «ух!».

Сначала я не понимала, что побуждает меня звонить Холли. Той, которая когда-то так много значила в моей жизни, но уже многие годы не желала меня знать.

Я пошлепала в спальню, сняла пижамные штаны и натянула джинсы, из которых не вылезала всю неделю, помогая Мэдди собираться в дорогу.

В зеркале над комодом отразилась моя физиономия – волосы стояли дыбом, точно я спала вниз головой в трубе. С помощью геля и воды я вернула прическу в норму, а потом стерла остатки туши под глазами. Неловко признаться, но Холли я звонила отчасти потому, чтобы узнать, чей номер в телефоне Кэти забит как экстренный контакт – Холли или мой. Кому из лучших подруг в случае чего она будет звонить первой?

Будь ты действительно убита известием о раке у подруги, скажете вы, тебе было бы не до таких гадких мыслишек.

Июнь в Висконсине выдался теплый, но я натянула шерстяной кардиган, потому что меня знобило.

Экстренным контактом Кэти, первым номером, полагалось быть мне. Мы с ней в шутку называли друг друга спутницами жизни, но это не было шуткой. После двадцати с лишним лет дружбы мы *действительно* стали спутницами жизни. Сунув ноги в теннисные туфли, я попрыгала на одной ноге, а затем на другой, чтобы натянуть их на пятки.

Роли ключевой персоны в жизни дочери мне было недостаточно – это подразумевалось само собой, по крайней мере, пока Мэдди жила дома. Кто знает, как все обернется, когда дочь освободится от моей опеки и станет самостоятельной. Можно только догадываться, какое чувство пустоты накатит на меня после ее отъезда. И пока этого не случилось, мне требовалось знать, что другой человек, которого я так же сильно люблю, моя Кэти, в случае чего будет первой звонить мне. Я сказала себе, что для вдовы, стоящей на пороге кардинальных перемен, ощущать себя гелиевым шариком со свободно висящей ниточкой – вполне нормально.

Но это, конечно, было не все. Далеко не вся история Саманты, Кэти и Холли. Даже близко не вся.

Схватив ключи, я выскочила за дверь и завела выдавший виды «Субару». Один раз мы с Кэти уже сразили рак. Как истинная уроженка Висконсина я подняла всех на ноги, собирала запеканки и возвращала пустую посуду с благодарственными бирюзовыми наклейками онкогинекологии. Я создавала графики лечения, делала посты в «Фейсбуке»¹ и вела страничку Кэти в «Инстаграме»². Иногда Кэти говорила, что я спасла ей жизнь, но это не так. Она была моей самой близкой подругой, и роль начальника штаба спасала меня от переживаний о том, как я буду жить без нее. Каково мне будет в этой холодной и пустынной тундре. Я была счастлива рулить деталями жизни, пока она старалась держаться на плаву.

На знакомом повороте к больнице Святой Марии покрышки взвизгнули, и я мысленно дала себе обещание проверить давление, о чем, безусловно, вскоре забуду.

Когда незадолго до рождения Мэдди мой муж Джефф скончался из-за аневризмы сосуда головного мозга, Кэти переехала ко мне. В полночь и в четыре часа утра она брала на руки осиротевшую малышку Мэдди и несла мне на кормление. Кэти готовила мне брокколи и выводила на прогулки, чтобы мои мышцы не размягчились до консистенции сы-

¹ Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (Здесь и далее.)

² Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (Здесь и далее.)

ра, который я поглощала в огромных количествах с заказной пищей. У нее были пароли от всех моих гаджетов, она оплачивала ипотеку, следила за отоплением и нанимала подростков на уборку снега.

Когда Кэти заболела, у меня появилась возможность отплатить ей за любовь и заботу. Будь моя воля, я бы поменялась с ней местами. Каждый раз, когда ее мутило, я жалела, что не сама блевала в тазик вместо того, чтобы прижимать к ее затылку влажную тряпку. Это о чем-то говорит, потому что меня всегда выворачивает по полной программе, это знают все. Я реву, зарекаюсь, что больше ни-ни, блевотина попадает мне в нос и на волосы. И потом я много дней говорю только об этом. Можно подумать, блевать – это новость.

Ради Кэти я бы не только все организовала и облевала, я бы сделала гораздо больше. Будь моя воля, я бы вытерпела за нее химиотерапию. Только с раком так не работает. Он не пускает на поле запасных игроков. Именно поэтому мы все содрогаемся, когда звучит это слово. Оно подразумевает утрату контроля для всех, кого это касается.

Я покосилась в зеркало заднего вида и стиком три-в-одном провела по губам, щекам и векам, чтобы не выглядеть столь же погано, как ощущала себя внутри. Возможно, звоня Холли, я руководствовалась не чувством ложного соперничества, гордыней или страхом, а иной причиной.

Если Кэти позвонила Холли первой, значит, возможно, ей не требовался *Эксперт по Полномасштабному и Радикаль-*

ному Исцелению – ЭПРИ, как я в шутку называла себя, чтобы облегчить бремя. Я гордилась нашей с Кэти дружбой и тем, что могу идти по жизни с человеком, к созданию которого моя утроба – и чужие причиндалы – не имеют отношения. Это доказывало, что я могу быть другом и меня нельзя бросить просто так, на пустом месте. Что мое присутствие в жизни значимо.

По ходу дела я завернула в «Уолгринз», кое-что купила и быстро добралась до больницы. В вестибюле привычно воняло моющими средствами – здешние уборщики уважали цитрусовые запахи. Этот напоминал «Апельсиновый краш» – так пахло на роллердроме, где я каталась подростком, – но сегодня меня от него мутило.

По пути в онкологию я снова попыталась набрать Холли. И кого же я первым делом увидела, когда с прижатым к уху айфоном зашла в палату 425? Холли, сидящую на стуле у кровати. Меня сковала усталость, захотелось вильнуть в сторону и затаиться. Всем своим видом Холли как будто говорила: *Я здесь. Ты не нужна.* А затем я увидела улыбку Кэти – в ней были и радость видеть меня, и смирение, и чувство неловкости из-за того, о чем она собиралась нас попросить.

Кэти позвонила Холли первой. С этим приходилось считаться. И тому могла быть только одна реальная причина. Если моя дорогая подруга, которая была мне больше чем сестра, первой позвонила Холли, значит, Кэти не требовались запеканки, посты в «Фейсбуке» и та, которая будет на время

болезни осуществлять мониторинг ее жизни.

Если она позвонила Холли, значит, ей требовался человек, способный взглядом пригвоздить быстро делящуюся клетку, скрутить в бараний рог заносчивого доктора и заткнуть рот представителю страховой компании. Ей требовалась безапелляционная, беспардонная и циничная сука.

И Холли подходила идеально.

Глава 2

Посмеялись – прослезились

При виде Холли, которая выглядела как прежде и даже лучше, холенее, но столь же отчужденно, я испытала шок. Я вспоминала ее по дороге сюда. Как-то мы с ней, направляясь на семинар, подпевали *Hootie & the Blowfish*. В машине я всегда пела только с Холли и тогда отчаянно горланила: «Хочу любить тебя, сказал медведь, сказал медведь!», на что она отреагировала с утрированным возмущением:

– Что за фигня? Какой медведь? Откуда он взялся? Как «ты мне поверь» превратилось у тебя в «сказал медведь»?

Я принялась спорить, и мы заржали так, что Холли пришлось остановить машину. Она трижды била по рулю, я держалась за живот и хватала ртом воздух. Так, как с Холли, я никогда ни с кем не угорала. Она стебала так, что я не чувствовала себя при этом дурой.

На мгновение у меня возникло идиотское предположение, что Холли оставила в прошлом наши разногласия. Возможно, мы будем смеяться снова. Но сейчас, оказавшись с ней в одной комнате, я видела, что Холли крайне дискомфортно. На щеках у нее проступили пятна, заметные даже сквозь макияж. На друзей Холли реагировала иначе, и я это знала. Стыд, чувство вины и мое излюбленное стремление избегать

конфликтов тотчас сработали и заглушили воспоминания о давно ушедшей дружбе.

Медсестра, наклонив голову, измеряла давление Кэти, и Холли поднесла палец к губам, мол, давай потише. Можно подумать, я не знаю, как надо вести себя во время процедур. Можно подумать, это не я была рядом с Кэти, когда ей сотни раз измеряли давление. В другой ситуации я бы отправилась на поиски тихого уголка и ненадолго прикорнула, но сейчас я боролась с желанием врезать Холли.

В каком-то смысле стремление бороться и забыться характеризовали в целом мою жизнь и сложные взаимоотношения в ней. Если кто-то – отец или муж – действовал мне на нервы, я испытывала стресс, а затем впадала в спячку, именно в такой последовательности. Так у меня проявлялось расстройство сна.

Моя гиперсомния впервые заявила о себе в старшей школе на занятиях экономикой – предметом, на котором мой въедливый папаша собаку съел. Он заставлял меня заниматься после ужина до глубокой ночи, злобно приговаривая:

– У тебя вата вместо мозгов!

Если я допускала ошибку и пыталась объяснить, что мне непонятно, он тыкал меня в лоб со словами:

– Перестань болтать!

Увидев, что у меня слипаются глаза, мама приходила на помощь и отправляла меня спать. Возможно, мой организм установил причинно-следственную связь: *выход из безвы-*

ходного положения – это сон. Она гладила меня по тому месту на лбу, где я по-прежнему чувствовала палец отца:

– Везет тебе, Сэм. Если бы я могла притвориться мертвой перед твоим папулей, я бы весь день валялась на боку, как опоссум, не снимая пижаму.

Мама выключала свет и говорила:

– Спокойствие стоит того, чтобы отступить.

Даже когда в колледже я периодически впадала в спячку и врач выписывал мне гору лекарств, мама, звоня из другого города, приговаривала:

– Отключиться всегда полезно. Любая кручина со сном уйдет в пучину.

Позднее я поняла, что так она боролась с заученным бесилием и депрессией, сопутствующими жизни с фриком, помешанным на контроле. Мама обреченно вздыхала и говорила:

– Сэм, ляг поспи, и все пройдет. Было бы из-за чего копы ломать.

Она была права и в то же время ошибалась.

Я раз за разом говорила ей, что у меня серьезное расстройство сна и проблемы с учебой. Мама со вздохом отвечала:

– Кто это может знать?

И в этом была ошеломляющая правда. Годы самоотрицания, и в итоге тебя *действительно* нет. Полная неизвестность.

Холли, моя соседка по комнате и лучшая подруга, взяла дело в свои руки. Она заводила будильники, чтобы я не пропускала занятия, отслеживала стрессовые факторы и объяснялась с друзьями, когда мне требовалось ненадолго прикорнуть.

Острая потребность уснуть накрывала меня по сей день, точно туман, и от одного вида Холли после стольких лет я вдруг ощутила усталость.

– У вас отличное давление, 120/70, – сказала медсестра.

– Вот как? – подала голос Холли. – Может, для надежности измерите еще раз?

Медсестра, не обращая внимания на просьбу, обратилась к Кэти:

– Вам что-нибудь нужно?

Кэти покачала головой и потянулась мне навстречу.

Я сунула телефон в карман.

– Прошу прощения, девочки, что задержалась. По пути заскочила в магазин.

В руках у меня была охапка пакетов из вторсырья с логотипами «Гудвилл», «ИКЕА» и «Треjder Джо», и, пытаюсь добраться до другой стороны кровати – противоположной той, где сидела Холли, – я больно ударилась локтем о белоснежную стенку. Я опоздала и переживала все те смешанные чувства, которые испытывала всегда, когда мы трое оказывались вместе, а последний раз это было восемнадцать лет назад, тем вечером, когда родилась Мэдди.

Я взяла Кэти за миниатюрную ручку. Она сжала меня холодными пальцами. Мне захотелось пошутить в духе моей восемнадцатилетней дочери и сказать: «Как оно, ничего?»

А получилось:

– Какала ничего?

Я попыталась объяснить:

– Мэдди так говорит, имея в виду, что происходит и какие новости. Типа 911.

– 411? – переспросила Холли.

– Что?

– Сэм, я тебя обожаю, – сказала Кэти тоном, в котором слышалось: *Ты такая лапочка, просто до идио- тизма.*

– 411 – информационный сервис, а 911 – служба спасения, – пояснила Холли.

– Ну ладно. Тогда какие новости на 411, что происходит?

Я поставила на пол пакеты и попыталась задвинуть их под кровать. У меня что ни заход, все не в тему. Когда подружка выходит из ремиссии, к ней надо не с эфирными маслами и молодежными приколами, а с заряженным телефоном и светлыми мозгами, как у Холли.

– У меня нестабильные показатели крови, и поэтому меня положили на обследование, – сказала Кэти.

– Ясно.

Я наклонилась и поцеловала ее в щеку. У нее на пальце был пульсоксиметр, а к тыльной стороне кисти прикреплена инфузионная система. Кэти ненавидела, когда ее ставили

в это место. Жаль, что меня раньше тут не было, а то бы я поспорила. Под катетером был прикреплен браслет, на котором значилась ее фамилия – Кэти Мартин. И дата рождения – та же, что у меня.

– И все это ради нескольких анализов? – спросила я.

У Холли заиграл телефон, и она ответила:

– Ральф. Отлично. Что выяснилось?

Она встала – крутой адвокат Холли – и направилась к двери.

– Большое спасибо, что приехала, Сэм, – сказала Кэти.

– А как иначе? Я серьезно, Кэти. Разумеется, я всегда приезжаю.

– Я знаю.

Она поднесла к щеке мою руку и прижалась к ее костяшкам.

– Что за дела у Холли?

– Там какая-то неувязка с моей страховкой, она разбирается. Если придется заново проходить через все это, мне потребуется покрытие.

– Только лапшу мне на уши не вешайте, – слышался из коридора голос Холли. – Просто скажите, что необходимо сделать.

– Тогда правильно, что ты обратилась к ней. Если нужно кого-то построить, звоните Холли. А нужна помощь в больнице – я всегда на подхвате.

И, чтобы не звучало совсем жалостно, я добавила:

– Мы отличная команда.

Холли вернулась в палату со словами:

– Наличие.

Это могло означать как наличие чего-то, так и форму платежа. В этом была вся Холли: если вместо полного предложения можно было обойтись емким словом, она не упускала такой возможности. Чем меньше слов, тем больше ты стоишь. Когда мы жили вместе, я эту ее манеру обожала. У нас был собственный язык – многозначный и понятный только нам. Например, «финиш!» означало готовность свалить с вечеринки или из бара и одновременно, что нам нравится чей-то наряд.

– Эти брюки – просто финиш! – говорила она, и я чувствовала себя на пике моды.

«Золотце» означало, что парень, сидевший перед нами на занятиях или стоявший в баре, очень недурен собой, но в то же время годилось для ласкового обращения друг к другу.

– Привет, золотце, – говорила я, и мы клевали друг друга в щеки.

Словарь создавала Холли, а мы уточняли и расширяли его, но эта игра была понятна только нам троем.

Кэти подвинулась немного и похлопала по кровати, приглашая меня присесть. Потом она сделала знак Холли подойти ближе, и я пригляделась к ней внимательнее. Щеки у Кэти разрумянились, точно она только что вернулась с весенней прогулки. На виске виднелся след от ветрянки, красивые

волосы ниспадали на плечи. В тот раз нам удалось спасти ее каштановые локоны при помощи охлаждающей шапочки, которую пациенты носят во время химиотерапии. Благодаря ей волосы остаются на голове, а не на расческе. По всем внешним показателям Кэти выглядела лучше меня при полном макияже.

– Вот что, девочки, нам нужно поговорить. Скоро сюда приедут Брэдли и Бебе, – сказала Кэти.

– Твои родители? Из Аризоны?

Если они приезжали, значит, Кэти, похоже, действительно была больна. Бебе настолько боялась путешествовать, что они ехали максимум два часа в день, и все это время она, сидя на заднем сиденье, курила одну за другой «Пэлл Мэлл» без фильтра. Брэдли боялся, что в этом сигаретном чаду любая их поездка, даже в ближайший магазин, может стоить им жизни. Поэтому они переехали в местечко, где все было в двух шагах, и почти никогда оттуда не уезжали.

К Кэти они летали всего один раз. Тогда Бебе закурила в туалете и вступила в схватку с бортпроводником – видео с этой сценой попало на ютуб и стало почти вирусным. Брэдли с трудом удалось уговорить ее сесть на место при помощи красной лакрицы и коктейля из «Лоразепама» и бета-блокаторов. Когда они добрались до места, уровень сахара в крови у Бебе зашкаливал. Она была непривычно расслабленной, и Кэти, увидев ее в таком состоянии, заплакала.

– Значит, это не просто обследование?

– Легче на поворотах, Сэмми, – сказала Холли.

Это имя я ненавидела, но только в ее исполнении. Когда другие ласково или в шутку звали меня так, это не напрягало. Холли знала, что для моего отца это имя было уничижительным, а отнюдь не ласковым. Из-за ее авторитарного тона и парализующего чувства фрустрации остроумная реплика застряла у меня в горле. Позже я, безусловно, ее озвучу – глядя в зеркало заднего вида своей машины.

– Я пытаюсь наверстать упущенное. Я здесь всего ничего, а оказывается, родители Кэти уже в пути.

– А нечего наверстывать. Пока мы ничего не знаем, – произнесла Холли, по-королевски напирая на «мы», которое, как было известно Кэти, меня заденет.

– Родители едут не просто так. Мне нужно, чтобы вы двое кое-что для меня сделали, – сказала Кэти. – Вчера вечером звонила Мисти.

– Мисти? Новая жена Тома?

Говоря это, я практически слышала, как Холли прикусывает себе язык. *А много еще Мисти ты знаешь, Сэмми?*

Но вместо этого Холли сказала:

– Что еще ей нужно? По-моему, у нее уже все есть. Или Том еще кому-то присунул своего дружка?

– Если я скажу, что очень на это надеюсь, это будет плохо, да? – робко спросила Кэти. – А лучше пусть Мисти бросит Тома ради личного тренера или массажиста.

– У надежды дамские причиндалы, – сказала Холли. – Мы

с Роузи хотим сделать к следующему гей-прайду такие футболки. Или *дамские причиндалы* звучит тупо?

– По-моему, *дамские причиндалы* говорят сами за себя, – рассудила Кэти.

Я перевела взгляд с Кэти на Холли. Если шутка предна-значалась и для меня, значит, можно засмеяться?

Кэти хихикнула. С Роузи, подругой Холли, она была знакома. Холли вернулась в город год назад, но я лично с Роузи еще не встречалась. После окончания колледжа прошло десять лет, когда Кэти однажды сказала мне по телефону:

– У Холли подруга. Она – лесбиянка.

Я почувствовала острую боль. Бороздки и ямочки сухой персиковой косточки, которая, как казалось, живет у меня в животе, заполнило кислое чувство утраты Холли. Меня томили вопросы, и, чтобы ответить на них, мы с Кэти говорили по телефону, встречались за кофе и выбирались в бары. *Когда Холли поняла? В колледже? Она хотела сказать мне, но не сказала? Поэтому она так разозлилась из-за Майка?*

– Тебя не смущает, что она лесбиянка? – спросила Кэти.

Она даже не сказала мне!

Но все-таки что, Сэмми? спрашивала я саму себя. *Она любила тебя не так сильно, как ты думала? Как только вы разъехались, ты перестала быть для нее важной? Твоя значимость, о которой у тебя и без того было невысокое представление, по факту оказалась еще ниже?*

Я знала, что Кэти, Роузи и Холли периодически ужинали

или пили пиво в здании Мемориального союза с видом на озеро. Я догадывалась, что те несколько раз, когда Кэти не сразу отвечала на мои эсэмэс, она была с Холли. Выходило так, что двадцати с лишним лет, которые Холли провела на Манхеттене, будто не существовало, и все, кроме меня, между собой дружили. Я с папашей-брюзгой, бесхребетной мамой и обманщиком-мужем вызывала у людей неловкость. У меня была одна подруга и дочь, которая того гляди выпорхнет из гнезда. И все это в каком-то смысле было моих рук дело.

Когда Кэти сказала: «У надежды есть промежность», я решила, что пора вклиниться в разговор.

– Я равнодушна к промежностям, – сказала Холли.

– Говоря промеж нас, – сказала я.

Мне хотелось сказать что-то забавное, напомнить Холли о том, что когда-то мы смеялись над одним и тем же, но шутка не получилась, и тогда я решила ее подсластить и брякнула:

– У надежды есть яичники.

И только прозвучало это слово – «яичники», – все сразу вспомнили, по какому хреновому поводу мы собрались в больничной палате.

– Классный слоган для фандрайзинговой кампании, – мягко сказала Кэти.

Посмеялись – прослезились. Так мы всегда говорили, когда что-то, казавшееся смешным, мгновенно становилось несмешным. Точно мы снова были студентками и перенес-

лись в тот вечер, который начинали лучшими подругами, а под конец остались каждая сама по себе. Откатиться назад мы уже не могли, а как друг без друга двигаться вперед – не знали. Вечер, начавшийся пьянкой-гулянкой, окончился тем, о чем никто из нас не знал как говорить.

– Так вот, девочки, – сказала Кэти. – Том сдал Арахиса в собачий приют, у них там, в Лос-Анджелесе. Мисти считает, что это одно из тех мест, где усыпляют собак, которых нет возможности пристроить. Кому нужна страдающая диабетом пиренейская горная собака, особенно таких размеров? – Она посмотрела на настенные часы. – Сейчас девять утра, и я начну обзванивать все приюты, пока не найду его. Если необходимо, я любую сумму заплачу, чтобы его там поддержали. И потом поеду за ним. Ненавижу Тома.

Вовсе она не ненавидела Тома, это было по ней видно. Она необъяснимым образом любила его, и Том почему-то винил Кэти в своей интрижке – в том, что она не могла родить, переживала из-за бесплодия и болела раком. А еще в том, что он был вынужден искать счастья на стороне – по мнению Тома, это было оправданно. При мысли об этом меня всякий раз охватывала лютая ярость, подобная торнадо, я была готова рвать и метать.

– Ты не можешь ехать за собакой, – сказала Холли, кладя руку на руку Кэти.

Она не понимала отношений людей с их питомцами. В 2013 году мы с Кэти ездили в Колорадо-Спрингс после на-

воднения и спасли белого пушистого щенка. Это и был Арахис. Увидев его, облепленного грязью, с просвечивающей кожей, мы обе дрогнули. Его била дрожь, он жался к ботинку и тут увидел Кэти. Он посмотрел на нее глазами умудренного старика, и в это мгновение родилась их любовь.

Арахис рос, и их с Кэти обоюдная привязанность становилась все крепче, а Том изыскивал способы эксплуатировать эту любовь. В спасательной экспедиции он не участвовал, хотя к тому времени они с Кэти были женаты уже шесть лет. А два года спустя, когда шел развод, Том, у которого были деньги и время, устроил из-за Арахиса настоящую битву, так что Кэти унесла ноги от них обоих. Когда в прошлом году Том и Мисти перебрались на другое побережье, мне казалось, что Кэти никогда не оправится от печали.

– Нет, я *могу* за ним ехать, – сказала Кэти.

Она сжала челюсти, ее бледное лицо выражало решимость.

– Я достаточно хорошо себя чувствую. Не для того я спасала его после наводнения, каждый гребаный день колола ему инсулин и науськивала мочиться в ботинки Тома, чтобы вот так все кончилось. – Она судорожно вздохнула. – Я бы все равно поехала. Иначе быть не могло. Просто в последнее время я устаю.

Тут я заметила, что Кэти сжимает в руке бумажный платок, испачканный чем-то вроде туши. При мысли о том, что Кэти, отправляясь в больницу, навела марафет и приделалась

для встречи с раком, у меня сжалось сердце.

– Холли права, – сказала я, – тебе нельзя сейчас никуда ехать. Но...

– Ты хоть представляешь, что сейчас творится в его огромной башке? – сказала Кэти.

– Кто-нибудь его возьмет, – сказала Холли.

Кэти охнула. Предположение о том, что Арахис может окончить свои дни с кем-то другим, для нее было кошмарством. Неловко сознаваться, но я почти возликовала, когда безупречная Холли совершила такую грандиозную оплошность.

Кэти резво спустила ноги с кровати, потянув за собой систему.

– Скажите родителям, что мне пришлось уехать. Придумайте что-нибудь. А я поехала.

Я опустила руки ей на плечи, пока игла совсем не слетела.

– Нет уж, лежи. Я за ним поеду. Найду и самолетом доставлю сюда.

Мне вдруг захотелось всосать слова обратно в рот, точно свисающие спагетти. Кого я обманываю? Подушки взбивать и с медсестрами раскланиваться – это по мне, а мчаться на другой конец страны, вступать в единоборство с бывшим мужем подруги и освобождать большого пиренея – боже упаси. Собаки этой породы ростом с гору. А у меня расстройство сна, и, судя по тому, как я пасую перед Холли, я – трусиха. Что я скажу Тому, если наткнусь на него в Лос-Анджелесе?

Я живо представила себе, как пытаюсь отобрать у Тома поводок, а он держит меня на расстоянии вытянутой руки, его мясистая лапища нацелена мне в лоб, а руки у меня болтаются в воздухе.

– Самолетом ему нельзя. Для салона он слишком большой, а в клетке в багажном отделении он окочурится – кто будет его успокаивать и следить за уровнем сахара? Я должна его привезти. Для этого мы в свое время купили старый кемпер «Фольксваген». У Арахиса падает сахар при одном взгляде на малогабаритную машину, так что о перелете речи быть не может. Помнишь, я взяла на тест-драйв «Мини Купер», и стоило мне заехать на подъездную дорожку, как Арахис вырубился? Увидел машину через окно, рухнул тут же и не шевелился до тех пор, пока я не вернула машину в автосалон.

– Том потратил несколько тысяч, чтобы оставить пса себе. Почему он сейчас от него избавляется? – спросила Холли.

– У Мисти аллергия.

– И как вы побеседовали? – Холли заговорила капризным голоском, передразнивая Мисти. – Мы тут, сражаясь с тобой, ужас как на адвоката потратились, теперь у меня и твой пес, и твой муж, но вот какая жалость, у меня из-за него глаза чешутся.

Когда Кэти обижали, она смотрела как ожившая Белль из «Красавицы и Чудовища», только очень и очень уставшая от опадающих под стеклянным колпаком лепестков розы. Мы с

Холли знали, что это были слезы той, которая редко плакала. В колледже мы ходили на стендап и заставляли Кэти смеяться, энергично толкая ее в бок, лишь бы не видеть странной улыбки, предваряющей всхлип. Мы всегда защищали Кэти – не потому, что она была слабой, а потому, что была слишком сильной. Если она плакала, значит, случилось что-то ужасное.

Меня охватил азарт. Я торговалась на аукционе, а моими конкурентами были Холли и смерть. Поэтому я подняла руку и сказала:

– Я привезу его. Без проблем.

– Ты привезешь пса? Не смейся! – заявила Холли. – Тебе на это год потребуется. Будешь заваливаться спать в каждом «Макдоналдсе», на каждой стоянке и возле национальных памятников. В мире нет такого количества кофеина, чтобы ты бодрствовала, была в состоянии вести машину и следить за псом.

Я открыла рот, готовясь возразить, но мне было так обидно от того, насколько хорошо она меня знала, хотя мы уже не были подругами. И потом, я избегаю конфликтов, но я не врунья. Она действительно была права.

Выдав последний аргумент, Холли повернулась к Кэти.

– Если Мисти так жаль, то, может, она антигистаминные таблетки попьет?

– Она говорит, они притупляют сексуальное влечение.

– Что за чушь. Нет, в самом деле, что ли? Сейчас погуглю.

Холли достала телефон и, наклонив голову, так что пряди градуированного боба упали ей на лицо, принялась свирепо стучать по экрану ногтями с идеальным маникюром.

– Да я справлюсь, правда, – настаивала я.

Я должна была сделать что-то такое, чтобы все присутствующие поняли: ради подруги я готова рвануть на край света. А тот, кто в моих друзьях не значится, пусть пеняет на себя.

– А Мэдди может с тобой поехать? – с надеждой спросила Кэти.

– Нет. Она уезжает на практику в Колорадо.

Кэти дотронулась до моей руки, зная, в какое уныние повергает меня слово «уезжает».

– У Мэдди престижная практика в Боулдере, – пояснила она для Холли. – Она будет жить у моей двоюродной сестры и по вечерам присматривать за детьми.

– Так что все идеально складывается. Мне нужно чем-то заниматься летом. А вы, девочки, будете держать меня в курсе, пока я отправлюсь на поиски приключений, – сказала я, а у самой в голове крутилось: *дома я с ума сойду, буду время от времени заходить в пустую комнату дочери и все лето ждать приемных часов в больнице у лучшей подруги.*

К моему позору и к чести всех прочих, на этом поле у меня конкурентов не было. Когда ты вдова, и гнездо пусто, дома ты никому не нужна. Я подавила зевок. Стресс подступал, круша нейронные связи, и они тухли, как свечи по-

сле рождественской мессы. Мне всегда представлялась такая картинка. Стресс провоцировал сонливость, и ее зов был непреодолим. Но у меня было не так, как в видео на ютубе, когда страдающие нарколепсией снопами валяются на землю. Я чувствовала приближение сна.

Если я собираюсь их убедить, что смогу пересечь страну из конца в конец, то прикорнуть на краешке кровати было никак нельзя. Я бросила взгляд на телефон и сказала:

– Я отскочу, надо ответить. Это Мэдди.

Я выбралась из палаты, попутно ударившись о кровать и металлический косяк, и в коридоре почувствовала себя немного лучше. Мимо, толкая большую серебристую тележку, проследовал мужчина, на голове у которого была тонкая сетка для волос. В тележке громыхали грязные тарелки. В противоположном направлении мчалась женщина в белом халате. Я проследила за ней взглядом. О том, чтобы улечься, речи не было. Я вполне могла минут десять поспать сидя. Пусть мозг получит что хочет, а потом вернется в строй.

Ведя рукой по прохладной стене, я дошла до соседней палаты и нырнула туда. Большую ее часть занимала кровать, на которой лежал полосатый больничный матрас. Я опустилась в небольшое мягкое кресло и почувствовала, как проваливаюсь в объятия сна. В этот самый момент пугающе близко прозвучал мужской голос, который сказал:

– Даже не думай об этом!

Глава 3

Нам не быть вместе

Я что-то ощущала плечом. Потряхивание. Незнакомый голос произнес:

– Мадам, с вами все в порядке?

Где-то над головой послышалось пронзительное «бип-бип!», и я открыла глаза. Попыталась сфокусироваться. Ага, дело привычное, если, конечно, можно привыкнуть к тому, что при пробуждении на тебя пялится незнакомец. Я вжалась в кресло и произнесла ну очень сонным голосом:

– Со мной полный порядок. Я отдыхаю.

А потом зачем-то добавила:

– Я не пациентка.

Трескучий женский голос раздался словно сквозь радиопомехи:

– Я могу вам помочь?

Мужской голос слишком громко, точно я была туга на ухо, повторил:

– Мы можем вам помочь?

Я помотала головой и сосредоточилась на фигуре, сидевшей передо мной на корточках. Сну, навеянному гиперсомнией, присуща такая фиговина: когда я – ненавижу употреблять этот глагол – *очухиваюсь*, первые впечатления – са-

мые верные. Я вижу все непредвзято и бесцензурно. Стыдливая, патологическая любезность и боязнь конфликтов, которые подталкивают меня к тотальной правке, просыпаются на пару минут позже.

Скажем, я прикорнула у подруги в туалете, оклеенном обоями с переливающимися ананасиками. До сна я воспринимаю их нейтрально, а после понимаю, что они просто ужасны. И рубашка, которую я себе присмотрела, на самом деле – полный отстой. *А из сидящего на корточках брюнета, подумала я, с полными губами, безупречным цветом лица и длинными пушистыми ресницами получилась бы классная деваха.*

А получился офигенно красивый мужик.

Я прикоснулась к волосам, тем самым транслируя: *Вы привлекательны. Надеюсь, сегодня я выгляжу не как обычно,* и выпрямилась в кресле.

– Я в порядке, – громко произнесла я. – Помощь мне не нужна.

Голос из динамика произнес «Ок...» и вырубился, точно у динамика случился приступ икоты.

Мужчина поднялся. Он был выше и старше, чем поначалу казалось. Он нацепил на нос очки.

– Я в туалете по телефону разговаривал, – с застенчивым видом сказал он.

– В туалете?

– Это приватное пространство.

– Вот поэтому я тут спала.

Он кивнул и сказал:

– По-моему, мы – отличная пара.

– В каком смысле? Пара чего?

– Может, психов? Интровертов? Я ругаюсь по телефону в свободных туалетах, вы спите в пустующих палатах.

– Если честно, палата мне не нужна. Я могу спать где угодно. Я засыпаю, когда у меня стресс.

Солнечный луч прорезал углом изголовье кровати, и, по мере того как рассеивались остатки сна, больничный шум становился слышнее.

– А вы везде ругаетесь по телефону?

– Надо подумать.

Он замолчал, сунул телефон в карман халата и сказал:

– В последнее время, пожалуй, да.

– И с кем вы ругаетесь?

– С женой.

Интерес, искрящийся в груди пузырьками шампанского, лопнул и стек куда-то в живот. С женщинами вроде меня, которые редко бывают на людях и однажды уже вляпались в любовь, это всегда так. Я вызываю стойкий интерес у тех, кто лет на тридцать пять постарше, страдает косоглазием и весит полтора центнера. По крайней мере, под это описание попадает почтальон, который неровно дышит ко мне, хотя знает, что я слишком часто делаю заказы на «Амазон». Мужчины с чувственными, красиво очерченными губами, у которых на

голове копна волос, а на щеках появляются выразительные линии, когда с высоты своего роста они ласково улыбаются тебе, одергивающей свитер над мягким животиком, – такие мужчины разобраны все до одного.

– А из-за чего вы ругаетесь? – спросила я.

– А ты из-за чего впадаешь в спячку? – спросил он.

Самый большой приколом этой случайной встречи состоял в том, что я обратила на него внимание *в том смысле*. Должно быть, созерцание его бесспорно эффектной физиономии пробудило от долгой спячки какую-то долю моего мозга и выдало команду:

– Эй, зацени кадр!

Мозг встрепенулся и заценил, точно последние двадцать лет и не думал спать. Я почувствовала, что расплываюсь в улыбке, но быстро вспомнила, зачем я в больнице, и одернула себя.

– У подруги, возможно, вернулся рак, а рулить на этот раз будет другая ее лучшая подруга.

– Ты хочешь рулить раком?

– Нет. Просто моя подруга первой позвонила другой моей подруге. Та, другая, – неистова и идеальна во всем, а я, – я кашлянула и ткнула в себя пальцем, – не такая эффективная, как хотелось бы. Я понимаю, что это не соревнование, но, будь так, другая подруга его выиграла бы.

Я ждала, что он скажет нечто такое, что выставит меня жалким ничтожеством, типа:

– Да нет, я уверен, что это не так.

Но вместо этого он сказал:

– Моя жена говорит, что я не звоню ей, когда говорю, что позвоню. А я не помню, чтобы обещал такое. Вот такая ерунда.

– Но вы же не из-за этого ругаетесь.

– Похоже, что из-за этого. То есть она постоянно это говорит.

У меня затекла шея, поэтому я встала и посмотрела ему прямо в глаза. Он был по меньшей мере сантиметров на десять выше меня.

– На самом деле она хочет знать, любишь ли ты ее.

После отключки голова закружилась, меня качнуло, но он удержал меня за плечо.

– Ну-ка, – сказал он, – может, снова сядешь?

Я повалилась вперед, уткнулась головой ему в плечо и уловила запах чистой рубашки.

– Извини. После сна я несу черт знает что и не держу равновесие. Это все из-за дурацкого расстройств сна.

– Может, ты права. Насчет моей жены. Мы расстались. Мы разводимся.

У него был такой вид, точно он хочет еще что-то сказать, но что? Последнее заявление было очень личным, учитывая наше двухминутное знакомство. Пузырьковый интерес возник снова, и, будь моя воля, я бы охотно понаблюдала за тем, как он будет развиваться.

У него зазвонил телефон, и он сказал:

– Мне надо ответить. Ты в порядке?

Я кивнула, и он выскочил из палаты. И мне тоже было пора возвращаться.

Благодаря Брюнету, так я назвала его про себя, не прошло и двадцати минут, как я вернулась в палату Кэти. Я вела себя как заботливая подруга, которой пришлось отвлечься на выполнение родительских обязанностей в режиме онлайн, и с раздосадованным видом указала на телефон: *ох уж эти детки*. Кэти и Холли о чем-то разговаривали, склонив головы, и на мою пантомиму не обратили внимания. Тогда я включила звук.

– Мэдди хочет в следующем году учиться за границей.

Это не было враньем. Она действительно хотела в январе поехать в Ирландию. Слова легко слетели с языка, потому что переживания о том, что я скоро останусь одна, сохраняли актуальность.

– Как поспала? – спросила Холли.

Прием был знакомый. Следующим ходом я либо выставлю себя врушкой и патологической засоней, и тогда Холли получит преимущество. Или, при определенной ловкости, я могу доказать, что в моем случае сон делу не помеха.

– Хорошо. Спасибо. Вы же меня знаете. Прикорнула, всхрапнула, и снова как огурчик. Как думаете, стоит на втором курсе отпустить Мэдди учиться за границей? До него уже всего ничего.

Кэти, добрая душа, пустилась в рассуждения о педагогических плюсах опыта заграничной жизни в молодости. Она приняла мои слова за чистую монету, хотя на самом деле это был вброс, преследующий цель помешать кооптации Холли и ее последующему тотальному контролю. Но Холли раскусила мой замысел:

– До Калифорнии *две тысячи миль*, Саманта. Счет пойдет на недели и месяцы. Ты будешь то и дело останавливаться и спать. Поеду я. Дальние поездки мне не в новинку. Туда я полечу, назад поеду на машине и управлюсь за несколько дней.

– А Роузи поедет с тобой? – спросила Кэти.

Инициатива стремительно уплывала у меня из рук. Мир превозносит ценность сна, но с отоспавшихся взимается налог – они выключены из переговоров, в ходе которых принимаются решения. Ощущение было такое, точно я – в эпицентре заговора. Высоким дрожащим голосом, в котором звучал страх быть вытесненной из дружественной миссии, я сказала:

– Слушайте, девочки, я справлюсь.

Я должна была доказать, что чего-то стою.

– Нет, Роузи не сможет поехать. У нее уже срок подходит, – сказала Холли с таким видом, точно я не открывала рта.

Я чувствовала себя вращающимся ветроуказателем возле автосалона. Кэти метнула в меня взгляд и снова опустила

глаза.

– Она беременна?

Даже в состоянии шока от этой новости и от того, сколько я пропустила, я понимала, что не стоит спрашивать, как так, почему, от кого или что-то подобное, хоть самую малость звучащее лично, субъективно или тупо.

Когда-то мы трое знали друг про друга все, но это было давным-давно. Я знала, что при стрессе у Кэти начинался микоз, а Холли, когда поспешно ела, начинала икать. Я знала, что у Холли, когда она пыталась врать, дергался левый глаз, и Кэти всегда замечала это первой. В колледже, когда в буквальном смысле живешь друг у друга на головах, это всегда так. У нас был дружеский треугольник, а после выпуска геометрия наших отношений была нарушена. Мы стали Кэти и Холли. Кэти и Саманта. Но Холли и Саманты больше не было.

Со временем я перестала спрашивать о жизни Холли, и она о моей, думаю, тоже. Разумеется, мы с Кэти высказывали предположения о том, из-за чего на самом деле рухнула наша дружба. Да, произошло большое недоразумение. Взрыв. Но мы обсудили это. Разобрались. Я знала, что по крайней мере один раз Кэти задала этот вопрос Холли, но та в ответ рывкнула: «Спроси у Саманты», и Кэти не стала настаивать.

После колледжа слона в комнате можно было не замечать, тем более что мы больше не жили под одной крышей, в одном городе и даже в одном штате. Холли сразу отправилась

в юридическую школу в Техасе, а оттуда – в крупную контору в Нью-Йорке. Жизнь разводит даже хороших друзей, а в нашем случае дружба висела на волоске. Добавьте сюда отсутствие жизненного опыта – мы не знали, как нам повезло, и пустили нашу дружбу на ветер, точно она была пустяком, а не линией жизни.

– Значит, ребенок.

Я пододвинула себе стул.

Кэти взяла Холли за руку и сказала:

– Я совсем упустила из виду! Как быстро летит время.

– Только Роузи об этом не говори. Она уже измучилась от ожидания.

Я всю жизнь планировала иметь двоих детей – от природы трудолюбивых, крепких и с каштановыми волосами. Я понимала, как мне повезло с Мэдди, но хотела, чтобы у дочери была сестра. Я всегда мечтала о брате или сестре, особенно для того, чтобы вместе давать отпор папаше, когда он выходил на тропу войны, или, на худой конец, чтобы посочувствовать друг другу. Живя с Кэти и Холли, я наконец узнала, что такое иметь рядом людей, которые всегда держат твою сторону. Это было лучше, чем иметь сестер, потому что рядом не было контролирующего отца и пассивной мамы – только мы трое.

Холли посмотрела на меня и, видимо, истолковала мой увлажнившийся взгляд как проявление умиления, потому что ее лицо смягчилось. Но на самом деле мне хотелось схва-

тить ее за загорелую руку и ущипнуть. К новостям о том, что кто-то ждет ребенка, мне не привыкать – ими делятся и знакомые, и посторонние. Более того, мы с Кэти переживали чужие репродуктивные новости на пару – мы обе мечтали о ребенке. Забеременев, я ощутила себя предательницей, и Кэти стала крестной матерью Мэдди.

Я искала руку Кэти, а сама думала: *«Бог ты мой, у Холли есть все, что пожелает»*. Доходная работа, спутница жизни, полная семья, друзья и возможность выражать мне свое негодование.

– Мы стараемся свести стресс к минимуму. Поскольку у Роузи поздняя беременность, она в группе риска. Но я могу поехать одна и быстро обернуться.

– А как ты будешь колоть инсулин Арахису?

Я знала, что это удар ниже пояса, но не собиралась сидеть сложа руки и ждать, пока меня исключат из спасательной операции.

– Как-нибудь разберусь.

– Неужели?

С этими словами я взяла Кэти за руку, в которую была воткнута игла, – на фиксирующем ее лейкопластыре проступило кровавое пятнышко, кровь была и в венозном катетере.

– Думаешь, я не видела, как ты все время отводила глаза?

Я поднесла руку Кэти к лицу Холли и помахала.

Холли закрыла глаза и отвернулась, точно из инфузионной системы на нее пахнуло зловонием.

– Не надо.

Кэти хихикнула.

– Забыла, что мы вместе были в колледже, когда ты проснулась после удаления аппендицита? – сказала я, не уточняя, что сама вызывала «Скорую» и настояла на том, чтобы сопровождать ее в больницу. Как я наврала водителю, что мы сестры, и как Холли сжимала мою руку, точно говорила: «Так и есть».

– Увидев в себе капельницу, ты стала белая как мел и закатила глаза.

Кэти снова сдавленно хихикнула, но я видела, что ей, как и мне, ничуть не смешно.

Я держала ее руку на весу, ощущая нежную бархатистость запястья в том месте, где гадалка, учившаяся с нами на последнем курсе, считала полоски на ребре ладони. *Видишь эти три линии?* – говорила молодая ведунья. – *Это означает, что из твоего чрева появятся трое детей.* На Блюз-фестивале мы заплатили по пять долларов за три предсказания, которые оказались наглым враньем. Мне пообещали долгий счастливый брак, Кэти – троих детей, а нам троим – дружбу до гробовой доски.

Холли оттолкнула руку Кэти и принялась разглядывать крапчатую потолочную плитку.

– Она тебя сделала, – сказала Кэти.

Когда Холли признавала свое поражение, всем становилось веселее.

– А накормить его инсулином никак нельзя? Может, есть какие-нибудь лекарства? Моя бабушка пьет таблетки, – сказала Холли.

– Арахису нужны уколы. Таблетки на него не действуют, – сказала Кэти.

У Холли запищал телефон, и она подняла палец вверх. Этим долбаным жестом она расставляла акценты, удерживала внимание в суде, порицала. Этот длиннющий палец был миниатюрной моделью самой Холли. Все в ней было длинное и высокомерное. Она и в колледже была такая: длинная, правильная, хотя более забавная. Когда Холли поднималась с места, казалось, это измерительная рулетка разворачивается, чтобы поразить своей точностью.

– Ральф. Да. Дальше, – сказала в трубку Холли и одним шагом вышла за дверь.

Кэти посмотрела в сторону коридора и прошептала:

– Тебе придется взять Холли с собой.

– О господи, – отшатнулась я. – Нет. Как ты себе это представляешь? Она меня на дух не выносит, а я от стресса впаду в сонливость, и это разозлит ее еще больше. Да и она сама *никогда* со мной не поедет.

– Другого варианта нет, Сэм. Здесь она будет собачиться со всеми подряд, хотя в медицине ничего не понимает, и зеленеть при виде каждого скарификатора. Ты ее не видела. Стоит кому-нибудь из персонала зайти в палату, как она накидывается со словами: «Почему вы кормите ее желе? Же-

ле – это не еда». Или: «Хватит ее будить – зачем то и дело снимать показатели? У вас тут прибор есть». И указывает на капельницу, которая, можно подумать, давление измеряет. Она двадцать лет ничем не болела, и все ее познания в медицине ограничиваются «Анатомией страсти». Всем входящим в палату она задает один и тот же вопрос: «Вы – старший ординатор?»

– Тогда почему ты позвонила ей первой?

Я нахмурилась, а сама старалась сдерживать ликование.

– Я не звонила ей первой. Мы пили кофе, когда пришли результаты анализов, и я попросила ее поехать со мной. Со мной Холли другая. Ее все бесят, и, возможно, мы никогда не узнаем, в чем там дело с тобой, но в критических ситуациях она не теряет головы. Речь не о медицине, конечно. Чтобы поставить мне капельницу, потребовалось два скарификатора – так у нее началась рвота, и потом из туалета доносились такие звуки, что я подумала, придется вызывать охрану.

Меня пробило на хи-хи и охватила неподдельная радость, возникшая непонятно откуда.

– Я думала, ты позвонила ей, потому что умираешь и тебе нужно составить завещание, или оформить на нее доверенность, или еще что-нибудь. Я подумала, если ты позвонила ей первой, значит, тебе нужна Ужасающая Холли.

Кэти зарылась головой в подушку, но я слышала, что она смеется.

– Не дай бог, она услышит, как ты ее называешь. Она пыр-

нет тебя пальцем.

– Тогда у нее будет синяк.

Я потрогала себя за плечо, припоминая все те годы, когда Холли не давала мне уснуть. Она постоянно тыкала меня этим пальцем, когда я начинала кемарить, и это казалось странной заботой. Точно она предотвращала беду, которая могла со мной произойти.

– А ей ты сказала то же самое? – спросила я. – Когда я зашла, вы с ней шептались. Ты сказала Холли, что меня надо спровадить и что она должна ехать со мной, потому что я нудная и надоедливая?

– Нет, Сэм. Я бы никогда так не сказала. Мы говорили о моих родителях. Это еще одна причина, почему ей нужно отсюда убраться. Ты знаешь маму. Она по-прежнему считает, что если Холли встретит хорошего мужчину, то сможет жить «традиционной» жизнью. Узнав о беременности – сама понимаешь, Холли *придется* сказать ей об этом, – она впадет в раж. У папы от всех дорожных волнений начнется нервная сыпь. Я вообще не представляю, как он уговорит маму воздержаться от курения, иначе ее сюда не пустят.

Кэти так говорила о своих родителях, точно они были *нашими*, и я уже почти приникла к ее кровати и свернулась рядом. Кэти закинула руку за голову, и пульсоксиметр замигал красным, измеряя концентрацию кислорода в крови моей дорогой подруги.

И тут до меня дошло, о чем просит Кэти. Ее не интере-

совали мои графики, выполненные в Excel, и Холли в качестве раздраженного омбудсмена ей тоже не требовалась. Она хотела, чтобы две ее рассорившиеся вдрызг лучшие подруги убрались с глаз долой, неделю провели вместе, а самое главное – привезли ее пса. Того, который грел ее всем телом, когда ее бил озноб после химиотерапии. Того, который заранее знал, что ее вот-вот будет тошнить. Того, который, первым унюхав рак, зарывался носом ей в подол и не желал шевелиться. Когда Кэти стала уставать, она забеспокоилась и записалась к врачу. Арахис умел определять рак прежде, чем об этой собачьей способности стали говорить. У Кэти заболели яичники, и Арахис, тыкавшийся ей в подол, знал, что с ней что-то неладно.

Я попыталась представить себе эту поездочку. Холли, вся из себя костлявая и холеная, везет пса размером с пони, который нон-стоп пускает слюни и при виде «Мини Купера» ловит инсулиновый шок. А в компанию к нему есть я, впадающая в спячку, избегающая конфликтов и любых разговоров, которые могли бы пролить свет на то, что произошло между нами много лет назад.

Когда Кэти убирала руку со лба, я заметила небольшую вмятинку в том месте, где лежал ее палец. На пульсоксиметре осталась прядь волос, зацепившихся за шарнир.

– Милая моя, у тебя дегидратация. Как тебя угораздило потерять столько воды?

Я приложила руку ей ко лбу, как делала мама, когда у меня

был жар.

– Не знаю. Я постоянно пью и писаю.

– Со мной Холли ни за что не поедет.

– Поедет, если ты попросишь, – сказала Кэти.

– Поедет, если *ты* попросишь.

– Нет, Сэм, не поедет. Она решит, что я проявляю силу духа, или благородство, или еще что-нибудь. Она решит, что я пытаюсь вести себя так, будто она мне тут не нужна. *Ты* должна попросить ее поехать с тобой. Другого варианта нет. И потом, что бы ты ни говорила, но одной тебе не справиться. У тебя год на это уйдет. Возможно, у меня нет столько времени.

– Не шути так. Это совсем не смешно.

Пара лампочек в моем мозгу потухли, подумалось про кровать, а потом я вспомнила, как мне будет одиноко, если я заберусь в нее.

Кэти откинула больничный халат и показала мне бедра.

– Красные точки опять появились.

Я не удержалась и дотронулась до одной. Точка побледнела, как, должно быть, и моя физиономия, быстро стала совсем белой, а потом снова ярко-красной. До того как Кэти пришла на обследование, еще в первую битву с раком, она заметила у себя на бедрах и голенях маленькие красные точки наподобие веснушек. Врач сказал, что это петехии. Все специалисты хором утверждали, что они безопасны. Это просто случайное совпадение, вероятно, из-за стресса. Но незадолго

до того, как врачи признали, что у Кэти ремиссия, красные пятнышки исчезли, и тогда Кэти поняла, что с ней все будет хорошо. Я коснулась пальцем нескольких точек в надежде на то, что, когда я уберу руку, они пропадут.

– Но ведь врачи говорили, – попыталась напомнить ей я.

– Мы обе знаем, что говорили врачи. Я знаю, что это такое.

Я пристально посмотрела на подругу, чувствуя, как отчаянно бьется сердце. Больничный шум вдруг стал слышнее. Кто-то объявил код, потом телереклама антигистаминного препарата зазвучала на полную громкость и сразу стала тише.

– Мне нужен Арахис, Сэм. Мне нужно знать, что с ним все в порядке. Мне нужно, чтобы его башка лежала у меня на животе. С больничной администрацией я договорилась. Если ему выправить документы собаки-помощника, он сможет находиться тут сколько угодно. Если он будет со мной, я смогу еще раз одолеть болезнь.

Кэти сказала это, а я услышала вот что: *Рак уйдет, когда я снова обниму Арахиса.*

– Возможно, к нашему возвращению тебя уже выпишут.

Вот так-то. Я сказала «к нашему», а значит, мой мозг уже решил, что спасение Арахиса – это мероприятие для двоих.

Только я это сказала, как тотчас пожалела. Впервые после окончания колледжа нам с Холли предстояло провести столько времени вместе – без Кэти. За эти годы не бы-

ло неловких ужинов и странных праздников, на которых мы присутствовали и где Кэти была связующим звеном. По просьбе Кэти Холли приехала на рождение Мэдди, но я ее тогда не запомнила. Кэти подумала, что если Холли увидит меня в момент такой эпичной уязвимости, она оттаит. Но этого не случилось. Очевидно, Холли завезла продукты до того, как Мэдди появилась на свет. Занавес. Меня в этот момент штырило от окситоцина, поэтому мое восприятие было искажено. Потом, когда я представила, как Холли отворачивается от нас с Мэдди в самый наш главный момент, я заплакала: я и не предполагала, что у меня были слезы по Холли, которые ждали момента, чтобы пролиться.

Если я не доставлю Арахиса, чтобы у Кэти снизился стресс и анализы пришли в норму, *нас* ни в какой комбинации больше не будет. Без Кэти *мы* не будет, а останутся просто Сэм и Холли, которым не бывать вместе. И тут я представила себя деревом с неглубокими корнями, которое может рухнуть под порывом шквалистого ветра.

– Возможно, вы с Холли сможете поговорить о том, что случилось с вашей дружбой. – Кэти погладила меня по тыльной стороне ладони. – Возможно, вам нужна эта поездка.

Прежде чем я успела вспылить – *Нужна? Да не нужна мне Холли!* – как она влетела в палату, хлопнув дверью, и сказала:

– Ральф разобрался с твоей страховкой. Завтра он привезет бумаги на подпись, и мы успеем отправить их факсом в

срок.

– Что бы я без тебя делала, Холли?

И тогда я смирилась с тем, чего ждала от меня Кэти – отправиться в путь, не лаяться с Холли и привезти собаку, – и моя ярость и сопротивление сошли на нет.

– Не переживай. Я никуда не еду.

– Кстати об этом, – сказала я. – Пожалуй, ты права. Я миллион раз остановлюсь, пока преодолею такое расстояние. Может, поедем вместе?

Холли перевела взгляд с Кэти на меня.

– Вы что тут выдумываете?

– Ничего. Кэти сказала, что мне на психостимуляторах будет сложновато сидеть за рулем и отслеживать состояние Арахиса. Если мы поедем вместе, я буду заниматься мониторингом, а машину мы сможем вести по очереди. Ты сама говорила, что справишься быстрее. А Кэти гораздо быстрее получит Арахиса.

Холли, прищурившись, посмотрела на меня, а затем перевела взгляд на Кэти.

– У тебя есть новости? Пока я отсутствовала, приходил врач и что-то сообщил?

– Нет.

Кэти закрыла глаза – могло показаться, что она просто моргнула. Ее подрагивающие веки сигнализировали об усталости и смирении.

– Думаю, одной мне не обойтись, – сказала я.

– И хочешь меня в компанию? – спросила Холли.

У нее был разъяренный взгляд директора школы, поймавшего ученика за порчей ученических шкафчиков.

Я замялась. Напрашивался единственный ответ – *да*. Но мог быть и другой: *А когда я не хотела твоей компании? Почему ты спрашиваешь об этом?* Я знала, что с Холли раздумья смерти подобны, и потому сказала:

– Без тебя мне не справиться.

– Это верно.

В этот момент система запищала, словно напоминая всем, находящимся в пределах слышимости, что в палате лежит больная, которой нужна ее собака.

Глава 4

Это вряд ли

Холли метнулась к двери и распахнула ее настежь.

– Эй, медсестра! Вы медсестра? Тут аппарат отключился.

Пусть кто-нибудь его проверит.

Она вышла в коридор, и оттуда донесся ее авторитетный голос:

– Медсестра!

– Видишь? – сказала Кэти. – Это как иметь собаку, которая лает при каждом шорохе.

– А помнишь вечер в колледже, когда тот парень клеил-ся к тебе в баре? Она подошла к нему и сказала: «Подобные действия квалифицируются как насильственные и противозаконные. Я вызвала полицию. Меня попросили задержаться для дачи показаний». Он тотчас слинял, а она, смеясь, накартила две стопки, после чего со слезами на глазах стала говорить о том, как любит юриспруденцию, нас и текилу. Потом ее вырвало в бумажный стаканчик, и мы повезли ее домой.

Я улыбнулась, хотя между прошлой Холли и нынешней была существенная разница.

– Она действует так жестко, – сказала Кэти.

– Она вообще жесткая. Она по отношению ко мне жесткая.

Как тысячи раз прежде, я мысленно вернулась к тому вечеру, когда мы праздновали окончание колледжа. Мы с Холли лежали на полу, пьяные в хлам, а комната вращалась у нас перед глазами. В таком состоянии лезть на верх двухъярусной кровати категорически не рекомендуется. Мы лежали в двух шагах от туалета, на случай если Холли, самой тошнотворной выпивохе кампуса, захочется прижаться к фарфоровому другу.

Я уползла на кухню, чтобы принести ей мокрое полотенце, а в этот момент Майк, бойфренд Кэти, трескал там просроченные кукурузные чипсы. Когда я с полотенцем и стаканом воды вернулась в комнату, Холли уже сидела со свирепым выражением на лице, прикрыв плечи уродливым коричнево-желтым пледом.

– Ты чего?

Я рухнула на колени, стараясь не расплескать воду.

– Я все слышала, Сэм. Я слышала, как ты сказала, что я гадкая.

Она была бледная, потная, взбешенная.

– Ты о чем?

У меня участилось сердцебиение. Из-за сладковатого вина и разъяренного вида Холли голова шла кругом. Мне хотелось одного – закрыть глаза.

– Только что. Я была в туалете и слышала вас двоих. – Она рыгнула и передразнила голос Майка. – Она тебя хочет. А ты ему врзала и сказала: «Гадость. Не смей говорить гадости».

Последнее она произнесла с усмешкой.

Я была совершенно сбита с толку – отпила воды и выпустила глаза, чтобы не закрывались.

– Ну да, он так сказал, а потом сделал пальцы буквой V и сунул туда язык. Ну я ему и врезала. Ты же знаешь, какой он пошляк. За что только Кэти его любит.

– Ты должна была вступиться за меня.

Я опустила голову на подушку, которую мы делили на двоих, и натянула одеяло, стараясь, по примеру мамы, смотреть на вещи проще.

– Ты бываешь немного гадкой, когда блюешь в раковину.

– Сэм! – Ее голос повысился на октаву.

Помню, что после этого я сразу провалилась в сон. На следующее утро она уехала, не попрощавшись. Позже, узнав, что она лесбиянка, я подумала, что, возможно, слова Майка задели ее за живое, и она решила исчезнуть из города. Выражаясь современным языком, как она могла так жестоко забанить меня?

– Какое-то время она и ко мне была жесткой. – Кэти сменила позу и чуть выше натянула простыню. – Помнишь, она уехала в Европу и не появилась у меня на свадьбе? Но в конце концов, думаю, мой развод и рак побудили ее вернуться.

– А у меня умер муж!

Это прозвучало так, словно у нас состязание побитых жизнью, и победительница получает в награду взрывоопасную дружбу с Холли. Мне навсегда запомнились похороны

– я была беременна и абсолютно подавлена, но даже тогда, в состоянии смятения, кого я надеялась увидеть на кладбище? Холли. Она не только не появилась, но даже не позвонила и не написала. В каком-то смысле это было обиднее всего. Что я такого сделала, чтобы вызвать подобное отторжение?

– Может, дело в том, что Джефф умер давно? Она с головой ушла в карьеру. Это просто совпадение, что она оказалась в городе, когда родилась Мэдди. Я пыталась, Сэм.

– Я знаю.

Начальственный голос Холли, разносившийся в коридоре, возвестил о ее возвращении в палату.

– Вот тут. Эта штука пищит, – сказала она.

Я бросила взгляд на Кэти, и она покачала головой.

С Холли всегда знаешь, что она близко. Заходя в комнату, она, как требует тайм-менеджмент, всегда разговаривает и если обращается к вам, то лучше быть начеку, иначе все прохлопаешь.

Я шумно вздохнула, и Кэти, лежавшая рядом, дотронулась до моей руки.

– У нее что, давление подскочило?

Мы с Кэти ждали появления того, с кем говорила Холли.

– Сюда все подряд заходят, жмут на разные кнопки. Вот вы можете проверить, что к чему? Толком.

– О господи, – сказала я, когда Холли появилась в палате в сопровождении Брюнета.

Он остановился у изножья кровати.

– Привет.

При виде меня он явно обрадовался. Да и кто не обрадовался бы дружелюбному лицу, столкнувшись с Холли в режиме перекрестного допроса?

– Привет, – сказала я и указала на Кэти. – Это моя подруга.

С запозданием осознав оплошность, я ткнула пальцем в сторону Холли и добавила:

– И это моя подруга. Они обе мои подруги. Я навещаю эту. А та тоже здесь.

Кэти и Холли уставились на меня. И Брюнет тоже уставился. Едва ли по лестным для меня причинам.

– Да, – сказала Холли. – Я тоже здесь.

Брюнет нажал кнопку на системе, и она отключилась.

– Вы бы хоть взглянули на нее, – сказала Холли. – А вдруг у нее сердечный приступ или еще что-нибудь?

– У вас по ощущениям сердечный приступ? – обратился Брюнет к Кэти.

– Нет. С сердцем у меня все в порядке, спасибо. Хотя за яичники не поручусь. Система что-нибудь сообщает о моих яичниках?

– Пока УЗИ яичников не было.

Тут до меня дошло, что Брюнет отнюдь не болван. Он раскусил ситуацию с Холли и охотно присоединился к веселью, как девчонка к игре со скакалкой на детской площадке.

– А почему УЗИ не было? Чего вы ждете?

Холли заседала, и мне стало чуточку неловко.

– У нас всего один стационарный аппарат. А яичников в очереди на него – полный коридор.

– А сколько он стоит? Мы можем приобрести собственный?

Как мне ни хотелось продолжения этой дискуссии, пришлось положить ей конец. Все-таки нам с Холли предстояло ехать через всю страну, а потому пополнять длинный перечень обоюдных недоразумений явно не стоило.

– Холли, в системе опустела капельница. Поэтому она пит.

– Ну так принесите другую, – скомандовала она.

– Принесите другую, – сказала я Брюнету.

Он улыбнулся и протянул руку Холли.

– Я врач-ординатор при докторе Чопра, но в круг моих обязанностей это не входит, поэтому вынужден сказать, что не буду заниматься...

– Кэти Мартин.

Я многие годы наблюдаю за тем, как мужчины знакомятся с Кэти и влюбляются в нее. Она была такой безобидной мужеловкой, и Брюнет тоже не обладал иммунитетом к этой ее сущности. Думаю, для мужчин определенного типа она пахла сахарным печеньем и домашним хлебом. Онлайн-знакомства такой реакции не вызывали. Она была просто одной из привлекательных женщин в море других, но при личном контакте мужчины валились к ее ногам снопами. И козлина

Том не был исключением.

– Вы – старший ординатор? – вмешалась Холли.

– Я – врач-ординатор, специализирующийся на заболеваниях яичников, но старшим ординатором не являюсь. Впрочем, найти того, кто сможет поменять капельницу, вполне в моей компетенции, и я это сделаю прямо сейчас.

– Дрю Льюис, – сказал он, пожимая руку Холли, после чего повернулся ко мне. – Это та самая ситуация, из-за которой тебе потребовалось вздремнуть?

– Да.

Ну вот, сдал меня с потрохами.

– И она – та самая, которая идеальна во всем?

Выражение удивления и радости на физиономии Холли с лихвой окупило все странности общения с доктором Дрю Льюисом по прозвищу Брюнет. Ощущение было такое, что он открыл дверь собачьей будки, и я смогла выйти на воздух и размять лапы. Но затем он спросил, указывая на Кэти:

– И она – твоя лучшая подруга?

Возможно, обстановку Брюнет просекал неплохо, но законы женской дружбы явно не были его коньком.

– Они обе мои лучшие подруги, – с запинкой произнесла я. – Мы втроем лучшие подруги и дружим почти тридцать лет.

– Слушайте, доктор Девичьи Грезы, – сказала Холли, – вы собирались раздобыть новую капельницу. Это что, не к спеху? Контейнер пуст. И стоимость чудо-аппарата попрошу

выяснить. Потому что я подумываю приобрести такой для Кэти. А после выписки мы подарим его больнице.

К чести Брюнета, его ничуть не задели манеры и силовые игры Холли – напротив, он улыбнулся мне и слегка подмигнул. Это было не вульгарное подмигивание капитана круизного лайнера, предназначенное красотке с пляжной палубы, а легкий трепет длинных ресниц, напоминающий прикосновение к шляпе, а не *встретимся позже в моей каюте*.

Обычно мужчины меня не замечают. Должно быть, для них я пахну безразличием и старым школьным ботинком. Я попыталась подмигнуть в ответ, а вместо этого моргнула.

Какой смешной и дурацкий способ взаимодействия, подумала я, но почему-то двинулась вслед за Брюнетом на выход. В коридоре я оглянулась, но его нигде не было. Я посмотрела по сторонам, а затем услышала смех.

Доктор Люис стоял у большой конторки, отделявшей служебные помещения от лечебной части, и разговаривал с молодой женщиной в белом халате. Он указывал себе за спину в сторону палаты Кэти, а женщина кивала, но оставалась на месте.

Я оперлась руками на прохладный ламинат конторки и наблюдала за происходящим. Женщина смотрела на Дрю, опустив ресницы и широко улыбаясь, кивала, проводя рукой по длинным светлым волосам и пропуская их сквозь пальцы. Наблюдать за двумя привлекательными особями в дикой природе было в духе «Нэшнл Географик». Прихорашивание,

трепет ресниц – все способы привлечения интереса, за исключением принятых у жуков-навозников, были доступны наблюдению в коридоре больницы Святой Марии. Приглядевшись поближе, я обратила внимание на другое несоответствие: доктор Льюис, похоже, не соображал, что перед ним танцуют брачные танцы.

– Спасибо, – сказал он и отвернулся, не увидев очередной взмах волос, на сей раз более решительный, чем прежние.

Тут он заметил меня – а я это увидела, поскольку смотрела во все глаза – и растаял в улыбке. Это было наглядным подтверждением факта, забытого со смертью мужа: меня воспринимают, и мне рады. Такая приветливость говорит о том, что двое не представляют обоюдной угрозы, не состоят в долговых отношениях и не действуют друг другу на нервы каким-то иным образом.

– Привет, – сказал он. – Присматриваешь местечко для второго сонного захода?

– В скором времени – возможно. Если страсти не улягутся, мне придется завалиться на ночь тут.

– Напористая у тебя подруга, – сказал он.

– Да, она такая. У меня к тебе вопрос. Точнее, просьба, хотя я не уверена, что ты ее исполнишь. Может, это противозаконно. Но я в отчаянии.

– Противозаконно и ты в отчаянии? Продолжай, я заинтеригован.

Эта фраза придала мне смелости.

– Мы с моей напористой подругой должны привезти из Калифорнии собаку моей больной подруги от ее дерьмового бывшего мужа. Нам придется ехать на машине, и это займет время. Знаю, что Кэти – не твоя пациентка, но, может, будешь заглядывать к ней время от времени и сообщать мне, как она?

У него было такое выражение лица, что я только сейчас поняла, о чем прошу почти незнакомого человека.

– Она не замужем, – сказала я, а он в то же самое время сказал:

– Конечно.

Я засмеялась.

– А вот этого говорить не следовало.

– По-дурацки вышло, – сказала я.

– Это ты окажешь мне услугу.

– В смысле?

– Мой руководитель говорит, что мне следует поработать над коммуникативными навыками. Очевидно, я тороплю события. Мне нужно будет согласовать с ней наш разговор. Поделиться медицинской информацией я не смогу, а по-дружески навещать – вполне.

Особа в белом халате возникла за спиной у Дрю и сказала:

– Извините. Когда договоришь с мамой, подойди ко мне – нужно кое-что подписать.

Она стояла, уверенная в своей красоте и успехе у всех самцов поголовно.

Выражение любопытства на моей физиономии сменилось раздражением.

– Слушайте...

– Подойду через минуту, – сказал Дрю.

Особа удалилась, на этот раз не встряхивая волосами.

– Вау. Это на сколько лет я выгляжу? – Я дотронулась до своего лица.

– На мою маму ты точно не тянешь. Дай-ка телефон.

Он жестом попросил меня ввести пароль, а затем шустро вбил свою контактную информацию. Мой телефон был у него в руках, и в этом было что-то невероятно интимное – я даже не могла припомнить, когда последний раз меня касался кто-то, помимо дочери. Я представила, как Брюнет прикасается ко мне, и тотчас возникло желание закрыть глаза и вздремнуть, может быть, у него на плече или на каталке в коридоре. При мысли о близости с мужчиной, вообще любым, мои нейроны начали отрубаться один за другим. Если бы мужчина смотрел на меня так, как блондинка смотрела на Дрю, клянусь, я бы ощутила себя достаточно привлекательной для нового романа. Кэти имела в виду именно это, говоря, что, если так случится, я буду чувствовать себя иначе. Но одной привлекательностью вопрос не исчерпывался, проблема была глубже, и мы все это знали.

Я сосредоточенно смотрела на руки Брюнета с коротко стриженными ногтями. Он ударил по значку вызова, и тотчас послышался звуковой сигнал.

– Готово, – сказал он. – Теперь мы будем на связи.

– О постоянной связи речи не идет. Просто держи меня в курсе, как у нее дела. Как настроение и все такое.

– Ясно. Заметано.

– А я буду напоминать тебе чистить зубы и есть зелень.

– А я буду отправлять тебе мои рисунки.

– А будешь называть меня мамой, сообщу твой номер в Американскую ассоциацию пенсионеров и скажу, что тебе нужна страховка на случай длительного ухода.

По его лицу скользнула улыбка, а я открыла телефон, чтобы обозначить его как *Брюнет*.

– У меня дел по горло, но перед уходом я буду заглядывать к твоей подруге, чтобы согласовать с ней информацию для передачи.

Он заглянул в мой телефон и спросил:

– А кто такой Брю? Вообще-то я Дрю.

Я вздрогнула и сказала:

– Это я чего-то задумалась.

И нажала на значок «удалить».

– А я Саманта Ариас. Кэти будет посылать сплошные «сердечки» и «цветочки», чтобы мы не беспокоились. А я хочу знать, как она на самом деле себя чувствует, причем не только с медицинской точки зрения.

– Усек, – сказал он. – Тогда пока.

Он пошел было, потом затормозил и, посмотрев через плечо, сказал:

– А если мне захочется все время быть с тобой на связи?
И пошел, не дожидаясь ответа.

А я с неподдельным удовольствием вбила в контакты *Брю-Дрю* и сунула телефон в задний карман.

Пока я в коридоре брала у Дрю контакты и пялилась на его руки, в палате что-то произошло. Холли яростно пыталась опустить изголовье кровати, а Кэти выглядела как никогда бледной.

– Что стряслось?

– Бебе увезли в больницу в Аризоне. Они не при- едут.

Она ударила по пульта дистанционного управления – из- ножье стало подниматься, ноги Кэти взметнулись вверх, а затем согнулись в коленях.

– Так, – сказала Холли. – И на какую кнопку жать?

Я подбежала к кровати и указала на изображение чело- вечка рядом с перевернутым треугольником.

– Сюда.

– Понятно, – раздраженно сказала Холли, а Кэти бросила на меня взгляд, в котором читалось: *Прошу тебя, увези ее отсюда.*

– Надеюсь, с Бебе ничего серьезного? – спро- сила я.

– У нее что-то с кислородом. Ее хотят оставить на пару дней и понаблюдать.

Холли нажала другую кнопку, и кровать зависла в воздухе, как вертолет.

– Вот черт, – сказала она, – это не кровать, а сплошная засада. Я пытаюсь опустить ноги.

Кэти сделала глоток из бумажного стаканчика – она казалась настолько усталой, что не могла сказать ни слова.

Единственным способом отвлечь Холли от борьбы с кроватью было перенаправить ее энергию в другое русло.

– Что ж, девочки, решено. Мы отправляемся в дорогу.

– Я отправляюсь, – сказала Холли, наконец заставив кровать двигаться в нужном направлении.

– Мы отправляемся, Холли. И будем по очереди вести машину. Когда я устану, я буду спать. На мне будут уколы и гигиена Арахиса. На тебе – планирование и навигация. Меньше чем за неделю мы управимся.

Холли пристально посмотрела на меня, точно ища подвох, и сказала:

– Может, мне стоит остаться, раз Брэдли и Бебе не смогут приехать?

Кэти бросила в мою сторону обеспокоенный взгляд.

– Я так думаю, Хол. У Кэти много подруг, которые будут ее навещать, приносить еду, беседовать с врачами и осваивать медицинский жаргон. А отправиться на другой конец

страны, чтобы привезти ее собаку, можем только мы с тобой.

Холли бросила пульт и сказала:

– Мне нужно посоветоваться с Роузи.

Кэти видимо расслабилась, а я сказала:

– А мне – отменить доставку почты.

Как будто звонок на почту и любимому человеку – это одно и то же.

– Мэдди уезжает завтра? – спросила Кэти.

Я задвинула беспокойство в дальний угол и подумала о том, что еще необходимо сделать, прежде чем я свалю на неделю. Нужно предупредить в клинике, что на работе меня не будет. Они уже до смерти надоели мне разговорами о том, что у меня не использован отпуск, и сейчас самое время.

В книжном клубе мое отсутствие останется незамеченным. Мы обсуждали «Холодильник по фэн-шуй во благо пищеварения», а я это, разумеется, не читала. После отъезда Мэдди количество моих дел уменьшится. Для меня ее старшая школа была спринтерским забегом к выпуску. На смену волейбольному сезону пришел легкоатлетический, а за ним последовала подготовка к выпускному вечеру, церемония награждения и подача документов на поступление. Теперь все было позади, и выяснилось, что я жила жизнью Мэдди, а не собственной. Я знала, что с родителями, особенно с одиночками, такое случается. Также мне было известно, что этого делать не следует – иначе опустевшее гнездо может навсегда остаться пустым.

– И что этот доктор? Как ты с ним познакомилась? – спросила Кэти, когда Холли, судя по всему, с головой ушла в телефон.

– Столкнулась в коридоре.

– Похоже, он на тебя запал.

Я исключила такую возможность и в то же время ей обрадовалась.

– Это вечная проблема. Женатые принцы натываются на меня спящую и влюбляются.

– Они бы влюбились, если бы ты им позволила.

Я откинула голову и захохотала.

– Ты посмотри на меня. Разве я похожа на женщину, о которой можно мечтать? Я уже вышла в тираж.

– Ты и про меня так думаешь? Что я слишком стара для любви?

Я резко выпрямилась, точно меня током ударило.

– Что ты, Кэти. Я не в этом смысле. Ты прелестна. Все в тебе вызывает желание. Это я на себя махнула рукой.

Кэти хотели все и всегда. В ней была хрупкость, но вместе с тем умение дать отпор. Для мужчин это было невероятно притягательное сочетание. И все для нее складывалось удачно, пока не появился Том. Мы не разглядели, что он с дефектом. Холли, разумеется, сказала бы, что всегда недолюбливала Тома, но я должна признать, что обожала его.

Мы познакомились, когда Мэдди было три. Я принадлежала к разряду мамочек, функционирующих исключительно

ради ребенка, и принимала участие во всех детско-родительских мероприятиях, не оставляя времени для себя. Пожимая мне руку, Том посмотрел на меня выразительно. От его красиво очерченных губ и улыбки с ямочкой на щеке возникало ощущение, что все это твое.

– Знаменитая Саманта, – сказал он с искренним восхищением в голосе.

Он накрыл мою руку своей, притянул к себе и клюнул в щеку. От него пахло сандаловым деревом, этот запах у меня ассоциировался с креативностью и трудолюбием. Он заглянул мне в глаза и сказал:

– Кэти значит для меня все.

И я ему поверила.

Потом были цветы, любовные записки, приглашения на пикники под луной. Его теплота подкупала. Мягкий, но неромантичный Джефф, который к тому же был абсолютно безответственным, не шел ни в какое сравнение с Томом, поэтому, сознаюсь, я агитировала Кэти за него. Лучше Тома никого не было. Можно было подумать, что он пересмотрел все мелодрамы и взял на вооружение все киношные приемы. Когда мы учились в колледже, никто не использовал психологические термины для характеристики людей, но во время развода мы обе уже знали, кто такой нарцисс. У Кэти не было шансов.

В безжалостном свете больничной палаты, где полагалось думать о лечении, мы говорили о мужчинах. Все снова было,

как в колледже, только без едких замечаний Холли насчет абсурдности взаимоотношений.

– У меня была любовь всей жизни. Если случится еще одна, это сведет на нет идею родственных душ. Моей родственной душой был Джефф.

Произнеся это, я покосилась на Холли. Интересно, купилась ли она на это вранье? Было ли ей дело до нашего разговора, говорила ли ей Кэти про меня, хотелось ли ей вывести меня на чистую воду?

Кэти сгладила момент.

– Ты могла бы поужинать с кем-нибудь, пусть даже этот человек не будет твоей, – Кэти сделала паузу, примиряясь с моей ложной характеристикой отношений с Джеффом, – родственной душой.

Я пожала плечами.

– Ты же знаешь меня. Я категорически против того, чтобы приплетать душу к будущим отношениям.

Холли подняла глаза от телефона и сказала:

– Ну все, порядок.

– Ты это о чем?

– Я забронировала нам билеты до Лос-Анджелеса на четверг. Так что процесс пошел.

– Что? Ты и мне забронировала? Это же послезавтра, – сказала я.

– Я воспользовалась милями. У меня их тысячи. И ты сказала, что надо ехать. Тогда чего тянуть?

Я посмотрела на Кэти – у нее на лице было такое же выражение, какое, думаю, было у меня: будто мы стоим на остановке и должны запрыгнуть в автобус, а иначе он проедет мимо. Так продолжалось многие годы: мы бежим за Холли, стараясь догнать, понять, что творится у нее в голове, как она держит темп и зачем.

Я помотала головой и стиснула руку Кэти:

– Ну ладно. Мне лучше пойти собираться.

У меня загудел телефон – я достала его из кармана и с удивлением обнаружила сообщение от Брю-Дрю.

БДРЮ: Привет, мам. Чё как?

Я: Напоминаю: 1–800-ААП³ страхование.

БДРЮ: Ха-ха-ха. Счастливого пути.

Я: Это вряд ли.

³ ААП – Ассоциация американских пенсионеров.

Глава 5

У меня все наладится.

У нас все наладится

Прежде чем я успела высвободить сумку из проводов под ногами, Холли сорвалась с места и выскочила за дверь.

– Люблю тебя! – крикнула ей вслед Кэти.

– И я тебя, – отозвалась она, преодолев, судя по звуку, уже полкоридора.

Холли двигалась с поразительной скоростью. Будь она персонажем комикса, ее перемещение символизировали бы поднятые вихрем листья с надписью «Крупным планом» шрифтом Comic Sans. Шагнув во взрослую жизнь, что, как я понимаю, случилось на следующий день после выпуска, она отточила незамысловатую манеру удаляться до совершенства.

Когда много лет назад Холли покинула нас, не попрощавшись, мы с Кэти могли говорить только об этом. Мы упаковали вещи в картонные коробки, оттащили к мусорным контейнерам молочные ящики, в которые складывали книги, и во всех деталях обсудили предшествующий вечер.

– Она сильно разозлилась после слов Майка? – спросила Кэти.

– Ты же знаешь Холли: она может вспылить за секунду, а

потом все. Мы обе были пьяные. Ее полоскало. Я сказала ей, чтобы не блевала в раковину.

– Ты всегда ей это говоришь.

– Я знала, что она уезжает рано, но ведь не до того, как мы проснемся.

Записки на зеркале в ванной не было. И на микроволновке тоже. В холодильнике нашлась полупустая банка майонеза, а в мусорной корзине в ее комнате – тубик туши.

– Она же позвонит, да? – снова и снова говорили мы, сгружая вещи в машину, отмывая ванну и пылесосая ковер.

На волне обеспокоенности я развела уборку, какой в нашей квартире отродясь не было. Кэти застучала меня за тем, как я, рыдая, ватными палочками оттирала плитку в гостиной. Она сползла по стене.

– Эта палочка совсем стерлась. Может, возьмешь другую?

Глаза у меня были красные, голова из-за слез раскалывалась, к этим радостям добавились обезвоживание и бессонница. Колледж закончился, чем не повод для скорби. Как же я буду дальше... неужели мне придется обходиться без Холли? Это не укладывалось в голове.

В 1994 году, когда мы выпустились, мобильных телефонов не было. И «Твиттера» с «Инстаграмом», позволяющих разыскать знакомых, тоже. Не существовало приложения «Найди своих друзей», с помощью которого можно восстановить утраченные контакты. В девяностые, когда человек хотел исчезнуть, это не составляло труда.

– Может, позвонить ее тетке? – сказала я, вытирая нос.

– И как ты себе это представляешь? Она ведь, кажется, в Италии живет.

Когда у Холли погибли родители, ее контактным лицом на экстренный случай стала тетя. Мы встречались с ней однажды во время родительского уик-энда, но *не знали* ее. Точнее, знали не настолько хорошо, чтобы звонить за границу и сетовать на то, что Холли уехала, не попрощавшись.

– Она тебе позвонит, – сказала Кэти. – Обязательно. Она позвонит твоей маме.

– Да, конечно, – сказала я, но это было равносильно тому, чтобы сидеть на шатком камне, надеясь не свалиться в море. Холли была непредсказуема.

– Она любит тебя.

И это правда, подумала я.

За два десятка лет, прошедших после окончания колледжа, многое изменилось в социально-культурном плане. В девяностые мы называли родителей друзей «мистер» и «миссис», по имени никогда к ним не обращались, они не были нашими друзьями. Я даже представить не могла, как это – звонить родителям подружки? Это казалось дикостью. Как только ребенок отправлялся в колледж, телефонное общение заканчивалось. Это было дорого, звонить надо было из дома, со стационарного телефона. Поэтому писали письма. А теперь мы с Мэдди болтаем и перебрасываемся сообще-

ниями весь день.

Другая существенная разница между тогда и сейчас – это количество вещей, которые накапливаются в общагах. Когда на арену вышел «Пинтерест», он организовал доску «Студенческая комната», позволив родителям двадцать первого века создавать для своих чад плюшевый рай с плоскими экранами и прочими радостями. Я, выезжая из квартиры, все свое имущество, включая велосипед, без посторонней помощи затолкала в компактный рыжий «Шевроле». Подержанный матрас вышвырнула, журнальный столик сложила и отправилась проходить интернатуру по реабилитационной медицине в том же месте, где прошла клиническую практику. Холли исчезла, как призрак в ночи, потому что загрузила свою машину утром перед выпуском и взяла курс на юридическую школу.

Теперь, когда я сидела рядом с Кэти в больнице, все было так же и вместе с тем иначе. Точно мы перепрыгнули пространственно-временную пропасть. Только что мы были троим, а потом – бац! – Холли и след простыл.

Как только Холли испарилась, напряжение и нервозность исчезли вместе с ней. В окне виднелась асфальтовая кровля и кусок синего неба. Небольшое помещение было выкрашено в унылый, казенный бежевый цвет. На стене висела большая белая доска, на которой синим маркером было написано: «Сегодня вторник. Ваша медсестра – Черил».

Будучи реабилитологом, в клиниках я чувствовала себя

как дома. Я привыкла поднимать больных с постели на реабилитацию, маневрировать в тесном пространстве, готовить к выписке. Ухаживая за Кэти, я взглянула на это место глазами пациента и почувствовала знакомый страх.

Я сменила позу и сказала:

– Что ж, если надо ехать с Холли, значит, поеду.

Кэти нервно рассмеялась.

– Тебя это напрягает?

Я потеряла ее ноги под больничной простыней.

– Нет, моя дорогая. Если подумать, все прошло не настолько плохо.

У Кэти поникли плечи.

– Тогда ладно. Прости, что навязала ее тебе.

– Слушай, даже если тебе понадобится папа римский, зови. Со мной советоваться не надо.

– Папа римский – это перебор, хотя идея занятная. Я подумаю.

– Кэти, давай начистоту. Она тебе что-нибудь говорила?

Кэти отлично знала, о чем идет речь.

– Она всегда говорит одно и то же. Что ненавидит прощаться, а выезжать надо было рано, потому что до Техаса путь неблизкий. Как-то она сказала, что не умеет писать письма и поддерживать отношения на расстоянии. Я ей поверила.

– Но это не объясняет, почему с тобой она дружит, а на меня смотрит волком.

– Вероятно, что-то произошло, чего ты не помнишь. Это единственное, что мне приходит в голову.

Я внимательно посмотрела на Кэти. Непохоже было, что она что-то недоговаривает. Мы уже тысячи раз проходили это. Я не помнила. Алкоголь и годы. Помню, я заботилась о ней. Все это было так несправедливо.

– Думаешь, это потому, что ты не пригласила ее на свадьбу? – спросила Кэти.

– К тому времени мы уже несколько лет не общались. – Мне вспомнился короткий список гостей, составленный по причинам экономии. – Я думала пригласить ее, а вдруг бы она не приехала? Тогда, идя к алтарю, я бы ломала голову над тем, почему так. Для одного дня слишком много переживаний. Я бы уснула в свадебном торте во время застолья.

Затем я задала вопрос, который задавала уже тысячу раз.

– Ты ведь сказала ей, что свадьба была скромной?

– Ну конечно.

Мы тихо сидели, погружившись в наши воспоминания и предположения, под аккомпанемент сигналов и писков, составляющих звуковой фон любой больницы.

– Она не изменилась, – сказала я. – Стала худее.

– И злее, – сказала Кэти, и мы засмеялись.

– Знаю, ты видишься с ней, но я ощущала себя очень странно.

– Роузи тебе понравилась бы. Она хорошо влияет на Холли. Она хочет семью в полном смысле слова, пусть не кровно

родственную. Сестра Роузи вместе с Холли посещает занятия для будущих родителей.

– И как Холли на это реагирует?

– В основном хорошо, но только потому, что это семья Роузи. Холли хочет возвести крепость для двоих за высокой стеной.

– Она не всегда такая была. Возможно, это издержки адвокатской работы. Ощущаешь себя уязвимой перед неподконтрольными тебе стихиями.

Кэти зевнула и сказала:

– Я ненадолго закрою глаза.

– Я пойду! Я тебя утомила.

– Пожалуйста, побудь еще, если можешь. Просто лежи со мной несколько минут. Не хочу оставаться одна.

Я знала, что надо сделать, и легла на узкую больничную кровать рядом с ней, но повыше. Потом со знанием дела нажала на кнопки – механизм загудел, и мы разместились таким образом, что мне стало удобно на боку, а Кэти легла на спину. Она вздохнула.

Моя рука оказалась между нами – потом она затечет, но я знала, как ее высвободить и встряхнуть, не побеспокоив Кэти. Когда она уснула, дыхание изменилось, и рот открылся – пошла другая фаза сна. Из коридора доносился шум голосов.

Я знала, как надо сделать, потому что до того как цельная, добрая, предсказуемая Кэти заболела, мы трое жили в кол-

ледже, и там я узнала, что такое преданность и дружба. И как устроиться рядом так, чтобы не помешать и не получить в ответ – как было в доме моих родителей и у нас с Джеффом, если на то пошло.

Я с интересом разглядывала звукоизоляционные потолочные панели, систему пожаротушения и точечные светильники. Дыхание мое выровнялось. Я часто слушала подкаст, посвященный психотерапевтическим штукам. Думаю, тем самым я соглашалась, что помощь мне не мешает, но признавать это в открытую не хотела. Один из гостей пространно рассуждал о том, чего следует ожидать от отношений первого порядка – супруга, партнера, друга:

«По меньшей мере должно присутствовать подобие уважения и предсказуемости. Вы должны быть уверены в том, что к вам будут относиться хорошо, что каждый день рядом с вами будет человек, чью личность и настроения по большей части вы знаете, и вы никогда не должны соглашаться на то, чтобы ходить на цыпочках». Такой была для меня Холли, а потом – Кэти.

С отцом и Джеффом все обстояло иначе. Я посмотрела на инфузионную систему – зеленый огонек ровно мигал – и сжала кулак, чтобы кровь прилила к пальцам. Однажды социальный работник, которая специализировалась на помощи людям, переживающим семейную утрату, сказала, что я выбрала Джеффа, потому что он был непредсказуемым, как мой отец. Разумеется, это было сказано после того, как я при-

зналась, что хожу на терапию, потому что недостаточно переживаю из-за смерти Джеффа. Что все мои мысли занимает беременность, а еще я испытываю ужасное облегчение, причину которого понять не могу.

И у отца, и у Джеффа были перепады настроений, которые проявлялись абсолютно бессистемно. Один день Джефф смеялся, убирал волосы у меня с лица и брал рукой за подбородок, а на другой день рявкал: «Господи, ты можешь хоть пять минут помолчать!» Отец, ругаясь при мне, поминал «Священника Иуду», не подозревая, что *Judas Priest* – это рок-группа, но мои детские уши тем самым щадил.

До того как мы поженились, я считала перепады настроений у Джеффа проявлением тонкости натуры. Тогда он еще не просек, что может на мне срываться. А может, знал, но выжидал. После свадьбы его раздражение стало искать выход – потекло струйкой, затем ручейком, наконец, хлынуло потоком, потому что его никто не сдерживал. На смену шиканью пришло командное «Тихо!», которое превратилось в «Заткнись!», когда я смеялась с Кэти по телефону в другой комнате.

Кэти пошевелилась во сне, точно говоря: *Я помню. Продолжай.*

Я превратилась в ивовый прут, улавливающий настроение, дрожащий при малейшем изменении, дергающийся от всего нестабильного. Любая эмоция, даже радость, сигнализировала о том, что может последовать разлад. Позже я по-

няла, что, в отличие от отца, у Джеффа настроение зависело от выигрышей и проигрышей за карточным столом, о чем я не догадывалась. Он оставил нас почти нищими, и на похоронах я думала только об одном: *У меня все наладится. У нас все наладится.* Я думала только о финансовых утратах, а не об утрате Джеффа.

И когда месяцы спустя после его смерти на почте или заправке мне говорили: *Соболезную твоей утрате*, я думала: *Да, плакали денежки.* А потом спохватывалась: *Нет, она же про Джеффа. Джефф умер.* Я испытывала очень сложный букет переживаний. Джефф был харизматичным, чувствительным, подлым и знал, что я никуда не денусь, потому что без своеволия, развитого с детства, из оков брака с ребенком не вырваться.

Я снова чуть поменяла позу и посмотрела на спящую Кэти. Ее веки подрагивали, и я вспомнила, как она спросила меня, услышав в телефоне окрик Джеффа, когда я была беременной:

– Он всегда такой, а ты мне не говорила?

И я сказала:

– Нет.

Но, возможно, он всегда был таким. Просто это было неочевидно, и мое подсознание воспринимало это как известное, присущее Джеффу, тогда как сознание сосредотачивалось на его губах и чувстве юмора.

Когда я проверила наши сбережения, чтобы оплатить по-

хороны, и выяснила, что денежки тю-тю, когда коллекторы пожаловали в связи с сумасшедшей задолженностью по кредитной карте и я узнала о пристрастии Джеффа к азартным играм, я испытала потрясение, изумление и чувство мгновенного освобождения. Вопрос о том, почему я скоропалительно вышла на работу, ни у кого не возникал. У меня не было другого выхода. Мы были в долгах. Но для меня это означало отсутствие чувства вины. Это избавляло моего ребенка от жизни в несчастной семье типа той, в которой росла я, и последствия жизни в которой расхлебывала по сей день. Мы были свободны! Мы заплатили цену. Жестокую, да, но тем не менее.

Когда окружающие поражались моей способности держаться, я говорила:

– Нам его ужасно не хватает.

И отчасти это было правдой. Я же не чудовище. Иногда я добавляла:

– Хорошо быть загруженной по самую макушку – надо восстанавливать проигранное.

Это был намек на азартные склонности Джеффа, объясняющий, как я до сих пор не рехнулась. В основном люди верили.

Мало-помалу я вытягивала руку из-под плеча Кэти. Если надавить на матрас, появится вмятина, и рука высвободится. Я соскользнула с кровати и размяла пальцы, затем потянулась. Осторожно подняла и опустила на место ограждение,

убедилась, что кнопка вызова находится в пределах досягаемости Кэти.

Я уже давно пришла к выводу, что бездумно пускаю людей в свою жизнь. Я ошиблась с Джеффом. Ошиблась с Холли. Моей семьей были Мэдди и Кэти, и увеличивать ее я смысла не видела.

В этом отношении мы с Холли не особенно отличались друг от друга. Холли жизнь обозлила, меня сделала трусихой. Мы были сильными сестрами по отдельности.

Глава 6

На этот случай у меня есть приложение

Полеты – рай для засонь всех мастей: гиперсомников, нарколептиков и тех, кто, по выражению медицинской общественности, страдает чрезмерной дневной сонливостью. Прибавление приставки *гипер-* к *сонливости* мне представляется крайне ироничным, но в тот момент я была слишком усталой, чтобы углубляться в дебри медицинской терминологии.

На борту лайнера компании «Дельта Эр Лайнс» ходить некуда и заняться особо нечем. Остается одно – дремать без зазрения совести. Правда, есть wi-fi, но чтобы я променяла крепкий сон на доступ к беспроводной сети? Нет уж, фигушки.

Обычно в середине дня я долго не сплю, но прошлой ночью толком отдохнуть мне не удалось. Я собирала Мэдди в Колорадо, отвечала на вопросы по поводу практики и присмотра за детьми, думала о госпитализации Кэти и гуглила про *опустевшее гнездо*. Поисковик подкинул обойму идей, начиная с того, что делать с найденным гнездом дрозда (оставить там, где было) и заканчивая страницей на сайте клиники Мейо, диагностирующей синдром. Страница сове-

товала принять тот факт, что ребенок вырос, оставаться на связи, заручиться поддержкой и сохранять позитивный настрой. Вполне здравый подход, если речь идет о том, что ваш газонокосильщик перебрался в Аризону. Чего нельзя сказать про синдром, возникающий при утрате вашего эквивалента на клеточном уровне, той, которую вы год кормили грудью и по праву можете назвать собственной, – родной дочери. Даже если окончание фразы будет звучать так: «Я действую на нервы родной дочери».

Мэдди настояла на том, чтобы ехать в Колорадо на машине, и набрала с собой вещей на месяц жизни в горах. Я дала ей сумку-холодильник, куда положила диетическую пепси и пакетики с морковкой, хикамой, сахарным горошком, крекерами, брецелями, сыром и жевательными конфетами в форме рыбок. У нее был вид моряка, отправляющегося в неизведанные воды за затонувшими сокровищами и симпатичными парнями. Прощаясь, я до изнеможения обнимала ее, целовала в макушку, а потом еще долго стояла на дорожке, когда ее машина скрылась за углом и пропала из вида. Потом я залезла в кровать и рыдала, как старшекласница, которую не пригласили на выпускной вечер.

Даже когда самолет, выпустив шасси, ударился о взлетно-посадочную полосу, моя голова по-прежнему покоилась на бортовой обшивке. Кто-то чистил апельсин, и его запах напомнил мне о том, что скоро я буду стоять на земле Калифорнии. Женщина, сидевшая на среднем сиденье слева от

меня, сказала:

– Она проспала весь полет.

Люди с предубеждением относятся к спящим, точно те обладают досадными потребностями, отсутствующими у более мотивированных граждан. Я почти открыла глаза и сказала:

– Сон – единственное, в чем мы себе отказываем, хотя обожаем спать.

Не будь у меня кишка тонка, я бы добавила:

– Разница между моим организмом и вашим заключается в том, что мой хорошо отдохнул, а вы свой лишили сна.

А будь на моем месте Холли, она бы сказала:

– Заткнитесь.

Я посмотрела сквозь ресницы на сидевшую рядом женщину – она вытаскивала из-под сиденья сумку размером с второклассника. Весь полет она отчаянно рылась в ней, точно в походном рюкзаке. Каждый раз, когда я просыпалась, чтобы сменить позу, я наблюдала за тем, как она наносит себе очередной крем на лицо, шею или руки. Она опрыскивала себя мицеллярной водой, пила из хитроумной бутылочки, снабженной системой фильтрации, и глотала витамины размером с таблетки «Алка-Зельтцер», причем один раз запивала их белым вином. Теперь ее внимание было обращено на меня.

У нее были крупные выразительные губы, возможно, даже свои, и бедра обхватом с мои голени, а они у меня, к слову, пропорциональные и в пределах нормы для моего роста и

веса. Эта женщина выглядела супер-пупер по-американски, настоящей калифорнийской кинозвездой, но в экономклассе аэробуса смотрелась странновато. И да, ресницы у нее на сто процентов были накладными.

– Может, она больна? – сказала женщина, не обращаясь ни к кому в особенности.

Она задела мой локоть и брызнула чем-то, пахнущим как антисептик для рук.

– Может, она работала в ночную смену? – слышался другой голос.

Дай бог тебе здоровья, добрая душа, подумалось мне.

– Может быть, – сказала Краса Калифорнии.

Общаться с попутчиками на тему гиперсомнии не входило в мои планы. Мне хотелось вести себя тихо, незаметно, не оправдываться и по возможности держаться с Холли на равных.

Когда выяснилось, что она забронировала себе билет в первый класс, а меня определила в эконом, мы условились встретиться у выхода. Думаете, меня задело такое проявление пренебрежения? Я обрадовалась, что не придется сидеть рядом с ней. С ее стороны это было свинством, но я знала, что это она только разогревалась. Сейчас, когда мы приземлились, начнется основное действие. Телефон в кармане пиджака завибрировал – ясное дело, Холли уже соскучилась меня ждать.

Я широко открыла глаза и сразу стала видимой.

– Ого, – сказала моя соседка, – вы, должно быть, устали. Вы проспали всю дорогу.

– У меня такой дар – спать, – отозвалась я.

– Я никогда не сплю, – сказала она, и я ей поверила.

В ней не было ни грамма жира, одни сухожилия. Казалось, ее внутренний мотор весь день крутился на огромной скорости, и потому ее кожа напоминала глазурированную рельефную керамику. Глаза у нее были круглые – то ли от природной настороженности, то ли от стараний пластического хирурга.

Теперь, когда я проснулась, пришла пора принять таблетки. Я покопалась в темно-синем рюкзаке со сломанной боковой молнией – Мэдди ходила с ним в средней школе. В нем имелась уйма кармашков со снеками, проездными документами, личными и письменными принадлежностями. В старой косметичке лежали таблетки, швейный набор, ручка, липкий ролик и салфетки в количестве, достаточном для ликвидации утечки ядерного топлива.

Я обыскала все, но «колеса» как в воду канули. Чтобы не проваливаться в сон в течение дня, у меня была *специальная* таблетка пролонгированного действия дозировкой 37,5 мг. Ее фирменную бутылочку янтарного цвета я всегда ношу с собой, а на экстренный случай еще имелась небольшая заправка. Пока я перерывала рюкзак, косметичку и сумочку, вываливая их содержимое себе на колени, пассажиры один за другим двигались по центральному проходу к выходу. В процессе поисков обнаружились бе- руши, шпильки, одна

серьга-конго и даже магнитик, но таблеток не было. Я очень надеялась, что не забыла их взять. Прежде чем ударяться в панику, сообщать об этом Холли и признавать свою оплошность, надо будет в зоне выдачи багажа поискать пилюльки еще раз.

Но у меня было томительное чувство, что я их не найду. Я знала это, потому что мысленно видела их там, где оставила, – на полочке в ванной. Я отсчитала себе запас на две недели, аккуратно переложив каждую красненькую продолговатую таблетку в пластиковую коробочку, предназначенную для рюкзака, а бутылочка побольше отправлялась в багаж. Тут позвонила Кэти, и я помчалась за телефоном. Я нацарапала адрес Тома в Калифорнии и номер его мобильного. Кэти обзвонила пять приютов, и в одном из них оказался большой пиреней. Принять за него оплату они отказались – бог знает почему. Мы поговорили про ее самочувствие, затем я застегнула молнию на чемодане и отправилась в аэропорт.

А пилюльки, которые поддерживали во мне бодрость духа, остались лежать на полочке в ванной на другом конце континента. Я потеряла глаза.

– Все еще спать хочется? – поинтересовалась соседка. – Вот поэтому я не дремлю. Не могу проснуться даже после короткого сна.

Меня так и подмывало сказать:

– *Хватит болтать! Тот факт, что вы сидите рядом, не*

означает, что мне хочется слушать ваши соображения по поводу сна.

Вместо этого я приподняла брови, надеясь тем самым дать понять, что мне неинтересно.

– Перед полетом я всегда пью кофе со льдом и тогда на протяжении четырех часов сохраняю работоспособность.

Краса Калифорнии сообщила это, стоя вполоборота и доставая из отсека для ручной клади сумку размером с мамонта. Мускулатура у нее оказалась внушительная.

Я жестом показала мужчине, стоявшему по другую сторону прохода, чтобы он проходил. Мужчина нетерпеливо махнул рукой и сказал:

– Идите вместе с подругой.

Я торопливо похватила свои вещи, ожидая, что Краса направится к выходу, но она затормозила.

– Может, у вас нехватка витаминов? Злоупотребляете углеводами? От них бывает вялость. И от молока. И от пшеницы. Еще я убеждена в том, что человеческий организм не усваивает бобовые. Возможно, вы налегаете на бобовые.

Как-то в начале этого года я увидела в «Инстаграме» свитшот с надписью: «Твоя диета, Дебби, мне по барабану». Вот бы мне ее сейчас! Тогда я могла бы обозначить свою позицию молча и вместе с тем доходчиво.

– Возможно, – сказала я. – Откажусь от бобовых и, глядишь, перестану дрыхнуть в самолетах. И вместо этого начну учить испанский.

– А у меня на этот случай есть приложение.

Она провела по экрану телефона розовым ногтем. Я посмотрела поверх ее плеча, гадая, из-за чего образовался зазор у двери. На выходе из «рукава» меня ожидала встреча с Холли, и эта Краса Калифорнии представлялась мне чем-то вроде группы на разогреве перед ее выступлением. У меня вдруг выступила испарина.

– Любой язык можно освоить за три недели.

– Угу.

Мне требовалось немного тишины, чтобы пораскинуть мозгами. Можно было позвонить в клинику и попросить новый рецепт. Его могли бы отправить в ближайшую аптечную сеть – «Волгринс» или «Си-Ви-Эс», но это контролируемый препарат, а я свои запасы недавно пополнила. Кроме того, мой врач вышел на пенсию, а новый ясно дал понять, что пока я не пройду обследование, «колес» мне не видать. Учитывая их высокую востребованность на уличных рынках, новый доктор проявлял бдительность – в отличие от старого, который был пофигистом и плевал на антинаркотическое законодательство. Короче, я не проходила обследование десять лет. Старый врач всегда продлевал мне рецепт, когда требовалось.

Может, соседка отправит их почтой? Только вот куда? По плану мы все время будем в пути, спать в кемпере и сменять друг друга за рулем. Я облажалась, но проблемы бы не было, будь я одна. Беда в том, что со мной была нетолерантная

Холли, которая не спит, не принимает таблетки и не нуждается ни в каких видах допинга.

В кармане завибрировал телефон, и на экране высветились два сообщения. Одно было от Холли. Почему так долго? Другое – от Брю-Дрю. Ты добралась?

В приступе раздражения я ответила Холли, что уже иду. Откуда мне знать, почему пассажиры так долго выходят? Если ей так хотелось, чтобы мы действовали синхронно и не теряли время, могла бы раскошелиться на первый класс и для меня.

Мое раздражение сменилось предвкушением, когда я отправляла эсэмэс Брю-Дрю. Он представлялся мне надежным мужчиной, который влюбится в мою лучшую подругу. И тогда я смогу написать мемуары под названием «Суррогатная личная жизнь Саманты Ариас». Будь рядом Кэти, мы бы посмеялись с ней этой шутке, но сейчас мне было не до смеха. На душе было грустно.

Я надела рюкзак на оба плеча, как инструктировала Мэдди. Оказывается, носить его на одной лямке стремно.

Я: Я тут. Приземлились. В Калифорнии. Достают

всякие мелочи.

БДРЮ: Как спалось?

Я: Я для тебя открытая книга.

БДРЮ: Пока нет.

Пока?

БДРЮ: Кэти в хорошем настроении. Рапортовать нечего.

Я: Забор крови делали?

БДРЮ: Да.

Я: СПС

БДРЮ: НП

От Мэдди я знаю, что НП означает *«Нет проблем»*, поэтому не стала спрашивать в ответ *«Что?»* или *«Неопытный персонал? Неприятная процедура?»*. Вот польза от общения с подростком, благодаря которому я в курсе. И этого мне тоже будет не хватать, когда моя дочь навсегда уедет из дома. Меня пронзило тоскливое чувство одиночества. Сейчас нас разделяли тысячи километров, и я уже чувствовала ее отсутствие.

Обнимая Мэдди перед отъездом, я вдохнула ее запах.

– Мам, ты что, нюхаешь меня? – спросила она, но не отстранилась.

– Ну да.

– Я же не навсегда уезжаю.

Она стиснула меня и отпустила, зная, как мне будет тяжело, но желая вырваться на свободу.

– Я так рада за тебя, – сказала я, опуская окончание фра-

зы: «*Но, господи, как же я буду без тебя?*»

– Я оставила свой шампунь на случай, если тебе захочется понюхать меня еще раз.

Я попыталась сказать что-нибудь смешное, воодушевляющее, родительское, но вместо этого жестом правой руки изобразила «*Я люблю тебя*».

Кто будет отчитывать меня за то, что отправилась за покупками в шлепанцах и любимом свитере с неидентифицируемым пятном на рукаве и затяжками от кривых зубов соседского пса по кличке Радар? Кто скажет, какую музыку слушать, чтобы, шутя с подростками на кассе, я не цитировала исполнителей девяностых? Кто будет меня любить безоговорочно? Никто. То есть ноль в итоге. А если с Кэти что-то случится, тогда вообще минус один.

Но сама эта миссия была правильным делом, думала я, выходя из самолета в сопровождении моей новой ходячей и говорящей калифорнийской куклы.

Я отправила сообщение Кэти.

Я: Мы здесь, все ок. Связи почти нет. Все по плану. Люблю тебя.

Кэти: О'кей, поговорим, когда вернешься. У тебя и так дел полно. За меня не беспокойся. Люблю тебя за это.

Краса Калифорнии наблюдала за моей перепиской, но это никак не повлияло на ее желание сделать мою жизнь лучше. Она разобралась с моей проблемой со сном, диагностирова-

ла ее связь с рационом и нацелилась сделать испанский моим вторым языком. Я не прислушивалась к тому, что она говорила мне через плечо. Но когда она развернулась на каблуках и пошла к выходу из самолета и далее по «рукаву» спальной вперед, игнорировать ее дальше не было никакой возможности.

– Изучая язык, я пользуюсь двумя разными приложениями.

Уловив отсутствие энтузиазма с моей стороны, она ненадолго замолчала, оценивающе посмотрела на меня и сказала:

– Вы здесь в гостях, да? Дайте угадаю. Вы из Небраски. Нет, из Айовы.

– Из Висконсина, – сказала я, и она кивнула, точно со мной все наконец-то прояснилось.

– Да. Ну конечно.

Если прежде я ощущала себя помятой, то теперь почувствовала к тому же серой и остро нуждающейся в живительном пилинге. Не собираюсь ругать себя за то, что мне бывает плохо, – просто, рано овдовев и став матерью-одиночкой, с годами я по большей части растеряла блеск.

Краса затормозила, и я наткнулась на ее вытянутую ногу и едва не ударилась об ее ключицу. Она ухватила меня за плечо наманикюренными пальцами, похожими на паучьи лапки.

– Вам нужно сделать блокаду и банки. Еще у меня есть шаман, с ним тоже нужно повидаться.

С таким же успехом она могла бы посоветовать мне най-

ти миллион долларов, питаться бараньими потрохами и подрасти на метр. Блокаду мне никогда не делали, банки делают нас сами, а шаман? Нет, это был полный бред.

Я оторопело смотрела на нее, и тут она запустила руку в сумку по самое плечо и достала карточку. Судя по всему, это была шаманская визитка. Мы с Красой Калифорнии стояли, как два валуна, посреди «рукава», а поток пассажиров обтекал нас с обеих сторон. Краса стояла монолитом, и следовало признать, что ей было глубоко плевать на раздражение, которое мы вызывали у окружающих. Я бросила взгляд на визитку.

– Марвин Шамански? Марвин? Шаман Шамански?

– Не судите о духовном целителе по имени, даже если его зовут Марвин. Он потрясающий.

Сказав это, она двинулась дальше, и мы влились в поток пассажиров.

На подходе к аэровокзалу я моргнула от яркого света и увидела Холли. Она была высокая, худая, такая же, как всегда, опрятная и подтянутая, а я чувствовала себя растрепанной и потрепанной. Она заметила меня, и я, надо сказать, при виде нее испытала некоторое удовлетворение. Только я собралась это озвучить, как Краса меня опередила:

– Ваша подруга? Я так рада, что у вас появился человек, на которого можно опереться после стольких жизненных утрат.

На физиономии Холли отразилось сложное выражение. Ей как будто хотелось, чтобы я это оспорила, но если бы я

это оспорила, то обидела бы ее. И еще это беспардонное замечание насчет жизненных утрат. Я не сказала этой женщине и двух слов. О чем это она?

– Непременно обратитесь к Марвину, – сказала Краса. – Его сейчас нет в городе, но дело того стоит. Он может пообщаться с вашим мужем или, по крайней мере, сказать о том, какой дух сидит у вас на плечах. Это из-за него вы так устаете.

И с этими словами Краса Калифорнии растворилась в людском потоке быстрее, чем я успела осознать, что произошло.

– Она решила, что мы пара, – сказала Холли с противной ухмылкой.

А у меня отнялся язык, после того как совершенно посторонний человек упомянул про моего мужа.

– Еще успеешь ее догнать и разубедить. Скажешь, что мы не пара.

В голосе Холли слышалась насмешка.

Я действительно подумывала о том, чтобы броситься вдогонку, но лишь затем, чтобы спросить, откуда ей известно о моей утрате. Имела ли она в виду Джеффа и может ли шаман в самом деле связаться с ним?

Глава 7

Никогда не меняйся

– Похоже, ты дала волю языку.

– Я молчала как рыба. Я спала всю дорогу.

– Судя по всему, не *всю*. И этого времени тебе хватило, чтобы поведать историю своей жизни.

Говоря это, Холли насмешливо приподняла бровь.

– Да нет же. Я даже не знаю ее имени.

Кто-то задел меня чемоданом по лодыжке, и ногу свело от боли.

– Саммер, – сказала Холли, на чьей шее был небрежно и стильно повязан шелковый шарф.

– Что?

– Это была Саммер Сильва из «Она в прямом эфире». Ты что, не в курсе?

– Саммер Сильва?

Я подтормаживала. Я отвыкла находиться рядом с Холли. При ней функционировать вполсилы было невозможно. Она требовала стопроцентной, если не сказать тысячапроцентной включенности.

– Когда-то я смотрела это шоу. А ты уверена? Она сидела рядом со мной в экономе, – наконец выда- вила я.

– Она больше не участвует в шоу. У нее начались странно-

сти, она стала говорить про карты таро, объявила себя викканкой⁴, потом лишилась сбережений, вложившись в финансовую пирамиду. Господи, Сэмми, нельзя так выпадать из жизни.

– Я не выпадаю из жизни, Холли. Я живу жизнью Мэдди. Это единственное шоу, которое я смотрю. Скоро ты на собственном опыте в этом убедишься.

Холли резко выдернула ручку чемодана и повернулась.

– Люди склонны изливать душу знаменитостям. Те улыбаются с экранов телевизоров, и люди считают их своими друзьями.

– Я не считаю Саммер Сильву своей подругой.

В моем голосе слышалась досада, и я подумала: *«Нет, я же не идиотка»*.

– А по факту получается, что Саммер Сильве известно о твоём муже больше, чем мне. Так, я в туалет. А ты возьми себе чашку кофе. Тебе не помешает.

Это прозвучало грубо, но насчет потребности в кофеине она не ошибалась, хотя все остальное было вздором. С рюкзаком и чемоданом, который не помнила как забрала, я встала в очередь. Сейчас возьму огромную чашку кофе, и это будет легальная, хотя и неадекватная замена пропущенной дозе лекарства. Возможно, я даже вспомню разговор с вышедшей в тираж знаменитостью о моем покойном муже.

⁴ Викканка – приверженка неоязыческой религии, основанной на почитании природы.

Я пошевелила челюстью, напряженной из-за стиснутых зубов, и с тревогой подумала, что моя эмаль не переживет движения по пересеченной местности.

С Холли не всегда было так трудно. Мы познакомились на неделе первокурсников и на пару играли в буриме, используя собственные имена. «Я Сэм, и я соленая. Я Холли, и я холеная». Все, что Холли говорила, было смешно и порой немного язвительно, но не похоже на буллинг. Это были просто меткие замечания о студентах и окружающем мире.

– Вот тот чувак, – говорила она, указывая на атлетически сложенного парня, чья шея напоминала окорок, – надеется, что его школьные футбольные успехи трансформируются в академические. Всякий раз, когда он произнесет «*нас назад*», мы будем выпивать рюмку текилы и через пятнадцать минут напьемся в стельку. Что, с учетом завтрашних состязаний, пойдет нам на пользу – отоспимся и будем готовы рифмовать.

Она насмешливо и без пиетета озвучивала все то, о чем я думала и что меня огорчало. Она ставила людей на место, и благодаря этому я перестала ставить себя ниже других.

Мы были неразлучны, только учились порознь; мы встречались за ужином, занимались в библиотеке, делились одеждой. Когда на втором курсе у Холли погибли родители, катаясь на снегоходах, ее язык стал острым, как бритва, а теоретическое пьянство превратилось в реальное. Весь весенний семестр я прятала от нее «Егермейстер» и отвозила до-

мой, а она тем временем ругалась на всех подряд и плакала. Я объясняла ситуацию профессорам, иногда выполняла за нее домашние задания, кормила, когда она слишком отощала. Единственный период в своей жизни она выглядела такой же растрепанной, какой я себя чувствовала. Именно тогда она стала меняться. Язык стал острее, нередко она говорила:

– И какая от этого польза? В чем смысл?

На что я отвечала:

– Смысл в тебе. Смысл во мне. Смысл в нас.

Порой это помогало.

Встреча с Кэти на собрании проживающих вне кампуса, где люди подбирали себе соседей, была чистым везением. Она перевелась из другого колледжа и помогла нам обеим. Она стала для нас глотком свежего воздуха. Мне требовалась помощь. Мои оценки падали, я не высыпалась и допоздна засиживалась в библиотеке, лишь бы не идти домой. Появилась Кэти и своей жизнерадостностью сдула пыльный налет, которым покрылась душа прежде неунывающей Холли. Она помогла ей справиться с горем.

Я никогда не беспокоилась о том, что Кэти займет мое место в жизни Холли. Она была не такая – ей хотелось заниматься в дружбе собственное место, а не чужое. Она переехала в тот момент, когда нам требовался кто-то третий, чтобы разделить арендную плату, и взяла на себя обязанности, с которыми мы справлялись из рук вон плохо. Она готовила, убирала, меняла лампочки, покупала туалетную бумагу,

своевременно оплачивала счета и своей добротой заставляла нас смеяться.

Другим аспектом нашей с Холли дружбы было то, что мы постоянно развлекали друг друга своими выходками. Мы были заядлыми фанатками друг друга, а когда в нашей компании появилась Кэти, она стала нашей публикой. Мы из кожи вон лезли, чтобы развлечь ее, и от этого еще больше сближались. Вот на чем держался наш треугольник.

Стоя за кофе, я оглядывалась по сторонам. Очередь двигалась медленно, покупатели были с закидонами. Большой, без кофеина, соевый латте 120 градусов со сливками. Этого возжелал мужчина в шлепанцах, весь багаж которого умещался в бумажном продуктовом пакете. Пространство, ограниченное белыми стенами и окнами международного аэропорта, кишмя кишело людьми всех цветов и размеров. Тысяча блондинок. Удвойте это число в загорелых конечностях. В Висконсине я считалась вполне себе кареглазой симпатяшкой. Время от времени кто-нибудь замечал, что я похожа на сестру-шатенку Дженнифер Энистон, до того как ей сделали нос. Джефф обычно говорил:

– Дженнифер до тебя как до Китая пешком!

Я бы даже ему поверила, не будь это сказано после ночи извинений за вспышку гнева, слез и примирительного секса.

Томясь в очереди, я проверила телефон. Оказывается, от Брю-Дрю пришло сообщение. Сначала я заволновалась, что он с плохими новостями о Кэти, но убедившись, что это не

так, обрадовалась.

БДРЮ: Привет. Поедешь назад, привези калифорнийского солнышка. Здесь пасмурно.

Я: Договорились. Ботокс тоже привезу. Думаю, он тут в барботёрах⁵.

БДРЮ: В Калифорнии это фонтанчики для питья, эх ты.

Я: Принято. Постараюсь не запутаться.

БДРЮ: Нет. Никогда не меняйся.

Это была фраза из школьных фотоальбомов, и меня охватила сладкая романтическая ностальгия. Мне захотелось послать ему смайлик и тем самым осторожно намекнуть, что его эсэмэс доставляют мне удовольствие, но в то же время не сконфузить нас обоих. Я остановилась на голове единорога, решив, что в такой ситуации это лучшая бессмыслица, но мои трясущиеся от возбуждения пальцы соскользнули, и в результате отправилась «улитка».

БДРЮ: Я люблю хороших брюхоногих.

Я: Кто ж их не любит.

Я сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Помимо необоснованных романтических фантазий с моей стороны, переписываться со взрослым человеком было просто забавно. Во-первых, он ставил знаки препинания. Мэдди почти не использовала слова, и наше письменное общение носило ути-

⁵ Барботёр – устройство для пропускания газа или пара через жидкость.

литарно-гигиенический характер. *Ты забыла ланч. Ты где? Тампоны нужны?* Переписка с Дрю напоминала словесную игру, которая была мне по силам. Темп общения был не настолько быстрым, как при личной встрече. Секунды, выигрываемые при наборе эсэмэс, давали возможность моим сиропообразным мозгам быстрее обрабатывать информацию. Мне нравится все *волнующее*, если к нему прилагается прочный ремень безопасности.

Наконец я сделала заказ, и мужчина за стойкой даже моргнул – настолько все было немудрено. Пришлось повторить дважды.

– Большой кофе, пожалуйста. Любой.

За моей спиной возникла Холли и сказала:

– Ну ты чудо, прямо белый носорог. Кто же заказывает просто кофе? Странно, что тебя не попросили позировать для фото.

– Говори уж сразу, Холли, что я отстала от жизни. Тогда мне не придется неделю терпеть твои подколы.

Она обняла меня за плечи и поцеловала в голову.

– Да, милая, давай дадим жару.

За эти полсекунды я успела приосаниться, но, увидев, как она подмигнула баристе, снова обмякла. Она отыгрывала ошибку Саммер Сильвы, прикидываясь, что мы любовницы, и при этом подло ухмылялась. Я стряхнула ее руку, и она сказала:

– В чем дело, дорогая?

На первом курсе в колледже к Холли обратилась гладковолосая красавица, бывшая членом сестринского сообщества. Она предложила Холли стать соискательницей. Это была серьезная структура с множеством привилегий, но Холли, стоявшая с пивом, сказала:

– Нет. Не интересуюсь.

И, повернувшись ко мне, пояснила:

– У меня такая стратегия: отвергни, прежде чем тебя отвергли.

Я многие годы не вспоминала эту фразу.

Сегодня я оттолкнула ее. Я не хотела, чтобы она догадалась, как было чудесно на миг ощутить, что она добра ко мне, пусть даже это было наигранно.

Наконец мы оказались на улице под таким солнцем, как будто все вокруг было намазано маслом. Красное было краснее, зеленое – разнообразнее и сочнее, а желтое – такого цвета, каким Бог задумал спасти мир от всех напастей. Я подняла голову к синему небу, и мне стало хорошо от того, что в руке у меня был обжигающе горячий стакан с кофе.

– Ну что, приступим, – сказала я вслух.

– Думаю, нужно арендовать мини-вэн и ехать за псом.

– Его зовут Арахис. И в мини-вэн этот, как ты выражаешься, пес не полезет. Он поедет только в кемпере.

– Это мы посмотрим.

– У него начнется паника, упадет сахар, и его станет тошнить.

Холли помолчала, очевидно, вообразив себе эту картину.

– Хорошо. Тогда возьмем кемпер. Вызовешь такси?

По выражению моего лица было ясно, что я понятия не имею, как это делать.

– Ладно, Сэмми. Намек понят.

Она потыкала в телефон, после чего сообщила:

– Высматриваем зеленую «Хонду Аккорд», за рулем которой Тедди. Заметишь движущийся зеленый боб – это за нами.

Страх, обосновавшийся в моем желудке, затвердел, как цемент, когда я представила себе день (неделю?) ее обжигающего презрения.

– Надо же, какая встреча!

Перед нами, ликуя, словно при встрече с давно потерянными друзьями, возникла Саммер Сильва. При виде нее я страшно обрадовалась и, не подумав, брякнула:

– Мы такси ждем. Вас подвезти?

Краем глаза я заметила, как Холли резко повернула голову и посмотрела на меня убийственным взглядом.

– Нет, девочки, это я *вас* подвезу. Так я внесу свой вклад.

Она указала на черный лимузин, водитель которого придерживал открытую заднюю дверь. Я начала отказываться, но Холли коснулась телефона и сказала:

– Отличная идея, такси я отменила. Едем, милая.

И снова гадко подмигнула. Теперь настала моя очередь сверлить ее взглядом. Что происходит?

Саммер захлопала в ладоши, сказала «Чудненько!», точно ничего лучшего представить не могла, и мы устроились на заднем сиденье.

– Сообщите водителю адрес.

В считанные минуты нас поглотил плотный поток машин, двигавшихся бампер к бамперу.

– И что, Саммер, каково это было – сидеть рядом с Сэм в самолете? Она вас совсем заговорила?

– Ее аура говорила со мной.

Саммер застегнула ремень и прислонилась к двери, после чего, посмотрев на меня наметанным взглядом, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.